

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРОШЕДШЕЕ ПЯТНАДАТИЛѢТІЕ НѢМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(В. Менцеля):

Исторія, кажется, находишься опять на поворотѣ; и пятнадцатилѣтній періодъ ея достигъ, если не до точки, то по крайней мѣрѣ до вопросительнаго знака. Сей періодъ, начавшійся съ возстановленія 1815 года и занимающій отсюда свое обыкновенное названіе, разительнѣе отличается отъ предыдущаго, называется революціоннымъ. Дѣйствительно, онъ носитъ на себѣ печать особеннаго характера и по справедливости заслуживаетъ своего особеннаго историка. Но до сихъ поръ, мы ограничимся пока замѣчаніями о литературѣ, испытавшей въ продолженіе его ошущительное вліяніе духа времени.

Пятнадцать лѣтъ мира составляютъ прекрасный, драгоценный опрывокъ времени,

ни чѣмъ не возрадимого, если оно потеряно. Предоставляя розысканіямъ полишниковъ гражданское благосостояніе и физическое совершенствованіе, мы литераторы спрашиваемъ: съ пользой ли время сіе было употреблено для умственнаго образованія? И къ сожалѣнію не можемъ сдѣлать лучшаго отвѣта, какъ — что для наукъ оно потеряно, но что люди при томъ нечувствительно сдѣлались умнѣе.

Съ перваго взгляда кажется очень странно, отъ чего сіе золотое время — въ продолженіе котораго побѣдоносная, охраняемая внутреннимъ согласіемъ, могущественная Германія наслаждалась совершенной тишиной, благопріятствовавшей развитію всѣхъ умственныхъ силъ ея — отъ чего сіе время гораздо бездушнѣе, гораздо бѣднѣе науками и искусствами въ сравненіи съ тѣми годами, когда она терзаемая войною, раздираемая внутреннимъ несогласіемъ, была подвержена враждебному вліянію иноземцевъ и претерпѣвала еще болѣе посрамленія, чѣмъ бѣдствій. И между тѣмъ это совершенная правда. Какіе опыты мудрости, или какія новыя идеи можетъ представить намъ прошедшее пятнадцатипилѣтіе для сравненія съ высокими помыслами Канта, Фихте и Шеллинга? Какія поэтическія произведенія для сравненія съ стихотвореніями Гёте, Шиллера, Жан-Поля и Тика, блистательная эпоха конхъ относится къ предыдущему періоду? Всѣ единогласно сознаются, что Нѣмецкая литература ощу-

шительно низпала съ той высоты, коей достигла въ началъ текущаго столѣтїя. Умовъ истинно великихъ нынѣ такъ мало: мѣлочныя кипящъ въ ужасномъ множествѣ. Оригинальность почти совершенно исчезла: подражанїя разплажаются до неимовѣрности. Но особенно омрачаетъ сію печальную картину умственное рабство, владычествующее въ Германской литературѣ и подавляющее преимущественно ея благороднѣйшія отрасли. Никогда столь постыдное чувство не безславило языка, наукъ и искусствъ Германїи.

Съ другой стороны не лзя не согласиться, что Исторїи съ ея Вспомогательными Науками, Естествовѣденію и Искусствамъ Механическимъ, въ сіе время, оказано услугъ болѣе, нежели когда нибудь. Вообще, гдѣ дѣло шло не объ идеяхъ, а о происшествїяхъ, не о высшемъ духовномъ совершенствѣ, а о вещественномъ интересѣ, тамъ Нѣмецкое терпѣніе являлось въ полной силѣ и увѣнчивалось успѣхами: но чѣмъ ближе касалось высшей области жизни, гдѣ всякое дѣйствование условливается свободою, тѣмъ сильнѣе отражалось къ предметамъ опытнымъ, историческимъ, естествознавательнымъ. Это впрочемъ имѣло ту выгоду, что Германская Словесность освободилась чрезъ то отъ многихъ теоретическихкихъ бредней, которыми была окружена прежде. Прилѣпившись къ опыту всею душою, мы Германцы научились имъ дорожить

и пользоваться. Словомъ, мы сдѣлались умнѣе. Кто въ этомъ сомнѣвается?

Бросимъ теперъ взглядъ на отдѣльныя отрасли литературы, дабы почтѣе опредѣлить противоположность того и другаго періода времени. До послѣдняго пятнадцатилѣтія въ Богословіи господствовалъ протестантизмъ, основанный на рационализмѣ. Всѣ бібліотеки были наполнены сочиненіями, осмѣивающими средніе вѣки и католицизмъ. Кто отваживался выдавать себя за католика, того считали лицемеромъ или невѣждой. Даже въ самомъ католицизмѣ вѣра въ букву Откровенія — благочестивая вѣра безотчетнаго чувства — была подавлена. Одна вѣра ума господствовала съ помощію логическихъ отвлеченностей и метафизическихъ тонкостей.

Чтожь мы видимъ послѣ возстановленія? Рѣшительное направленіе къ католицизму, способствуемое частію примѣромъ знаменитыхъ прозелитовъ, частію многими остроумными и весьма учеными сочиненіями, частію видѣніемъ въ самый протестантизмъ католическаго элемента. Правда, напрасно теперъ чудодѣйствуютъ Гоенлоги: но — рационализмъ испровергнутъ; на развалинахъ его побѣдоносно торжествуетъ супернатурализмъ, вѣра въ букву, піетистическій энтузіазмъ, даже глубокомысленная мистика Шведенборга, Бѣме, Сузо; и на-

конецъ въ видѣніяхъ Мейера, новая пророчица подъемлетъ таинственную завѣсу міра духовъ и представляешъ въ немъ новое откровеніе. Въ этомъ направленіи, принятомъ религіозною литературою и религіознымъ духомъ со времени возстановленія, очень явственно обнаруживается преобладаніе частію дѣйствительнаго, частію притворнаго умственнаго рабства. Мы не одобряемъ никакъ вольнодумства; и потому намъ кажется весьма благодѣтельнымъ низложеніе высокоумнаго раціонализма. Но очевидно, что мы теперь слишкомъ уже далеко зашли въ противоположную сторону. Анахронистическія крайности многихъ нынѣшнихъ святошь бросаются каждому въ глаза. Замѣчательна особенно, что противники настоящаго духа времени трудились въ пользу его поборниковъ. Правда, это не столько очевидно въ Германіи, какъ во Франціи и Бельгіи; однакожь и у насъ кое-гдѣ оказывались подобныя явленія. Религіозная ревность обращалась то въ охранительное, то — въ оппозиціонное средство политики. Такъ католическая ревность Фр. Шлегеля и Герреса была одна и таже: но первый писалъ за правительство, второй противъ. Набожность имѣла своихъ придворныхъ и демагоговъ. Наконецъ, мы усматриваемъ, что одни притворялись благочестивыми изъ политическихъ видовъ, другіе предавались набожности, удаляясь совершенно отъ занятой политической; ца-

чему не всегда легко можно опредѣлить различные побужденія, служившія основаніемъ одинаковымъ явленіямъ. Но во всякомъ случаѣ, новые опшельники, удалившіеся отъ свѣта, равно какъ и политическіе лицемѣры, слишкомъ далеко простирали свое рвеніе; и посему надобно теперь опасаться, чтобы, по естественной реакціи, не возникло снова вольнодумство, вкореняющееся между низшими состояніями по мѣрѣ того, какъ ученые и знатные люди предаются суевѣдству.

Философія, съ временъ возстановленія терпитъ большой неурожай, который трудно было бы объяснить, если бы мы не знали, что она можетъ произрастать и приносить плоды только подъ благотвельнымъ вліяніемъ свободы мыслительной. Подъ ярмомъ инквизиціи она останется навсегда схоластикой. По сему - то прекрасная, пламенная жизнь, одушевлявшая философію въ началѣ текущаго столѣтія, нынѣ совершенно изчезла; и только схоластика Гегеля сжимается теперь подобно призраку надъ гробами. Такого рода философія, уничтожающая саму себя, забывъ о превыше - земной, умственной свободѣ, даровавшей Метафизикѣ право на сіе имя, низпала до ложныхъ умозаключеній, утверждающихъ понятія въка вмѣсто вѣчныхъ началъ истины. Впрочемъ,

поелику философія уже не можетъ болѣе унизишься и ея порча достигла самой крайней степени: по-ѣсть надежда, что, по естественному теченію вещей, она приметъ обратное направленіе. Конечно, она заслужила это глубокое уничиженіе тѣмъ, что въ эпоху своего торжества, при Фихтѣ и Шеллингѣ, слишкомъ много забывалась и увеличивала безъ мѣры свои притязанія. Но она возстанетъ отъ своего паденія. Счастливое начало ея возрожденія можно видѣть въ томъ прилѣжномъ усердіи, съ коимъ занимающся нынѣ исторією философіи и ищутъ въ ней новаго основанія для дальнѣйшихъ умозрѣній. Сія цощія усилія, заключенныя въ предѣлахъ школы, конечно не такъ замѣтны, какъ то геніальное стремленіе къ новымъ философическимъ системамъ, которое за тридцать или за сорокъ лѣтъ господствовало въ Германіи. Геній спитъ: и доколѣ онъ не пробудится, однимъ только прилѣжаніемъ можно вознаграждать его отсутствіе.

Полишическая литература у насъ въ самоѣ жалкомъ положеніи. Она несравнена хуже, чѣмъ была за тридцать или за сорокъ лѣтъ прежде. Мы не спрашиваемъ уже: есть ли у насъ публицисты и журналы, какъ во Франціи и въ Англіи? Мы спрашиваемъ только: есть ли еще у насъ такіе мужи, каковы были Шлецеръ,

Поссельтъ, Архенголць, Губеръ? Это по-колѣние мужей смѣлыхъ и благоразумныхъ, швердыхъ и умѣренныхъ, кажется, вымерло; и тогда какъ за тридцать еще лѣтъ предъ симъ думали, что просвѣщеніе достигло золотого вѣка и что уже невозможно отступиться отъ очевидныхъ, однажды навсегда принятыхъ истинъ, нынѣ въ Германіи утверждаются такія вещи, какихъ не слыхано было въ темныя времена іерархіи и феодализма. Подобно какъ Юліанъ Отступникъ, желая возстановить язычество, довелъ до непоумѣрнаго излишества обряды идолопоклонства, и загромождалъ жертвенники оставленныхъ боговъ лѣвами, бѣлыми словами и другими рѣдкими звѣрьми: наши жалкіе сумазброды хотяишь въ своихъ сочиненіяхъ перещеголяишь среднія времена. Явленіе сіе можно объяснить изъ многихъ причинъ. Потерявши однажды равновѣсіе, Нѣмецъ очутился между двумя крайностями. Несчастіе и возстаніе Германіи пробудило въ сынахъ ея чистое одушевленіе, а за нимъ — (ибо нѣтъ огня безъ дыма) — и политическое сумазбродство, которое будучи распространяемо хитрыми наемниками, неистовыми фантастами и глупыми крикунами, не могло быть насильно подавлено, безъ опасности, но вмѣстѣ было такъ уродливо, что не могло не возбуждашь от-

вращенія. Это было причиною другой крайности. Въ слѣдъ за демагогическимъ сумасбродствомъ явилась монастырская робость: каррикашуру республиканскую смѣнила іерархическая каррикашура. Этотъ переходъ особенно обозначился въ Геррестъ. Дѣятельный Геррестъ, котораго Наполеонъ называлъ некогда Европейскою силою, спустя два года, вдался въ безразсудную мысль о возстановленіи среднихъ вѣковъ; и общее мнѣніе, котораго былъ онъ диктаторомъ, забросило его въ классъ ненавистныхъ Іезуитовъ. Идея древняго Римскаго Кесаря, съ которой онъ началъ, была опринута: ему осталась только идея папства, іерархіи и аристократіи среднихъ вѣковъ. И вопъ за нее ополчились выѣстѣ съ нимъ: Фридрихъ Шлегель, Адамъ Миллеръ, старшій Штолбергъ, Экштейнъ, Пфейдшифшеръ. Большая часть ихъ имѣли обширный умъ и заслуженно пользовались высокою славою, шакъ что сочиненія ихъ произвели сильное впечатлѣніе на образованныхъ и ученыхъ людей, хотя общее мнѣніе объявило себя и не въ ихъ пользу. Примѣтно даже было, что представители литературныхъ мнѣній между самими протестантами склонялись къ тому же направленію; они бросались на новый языкъ имъ введенный, какъ на модный, и выставляли его нѣкоторымъ образомъ, какъ ручательство и залогъ своей правды и истины. Между тѣмъ немногіе либеральные крику-

ны безсильно и къ собственному вреду имъ противодѣйствовали; большая же часть публики не имѣла о томъ никакого понятія или просто удалялась отъ предмета, который частію былъ ей непонятенъ, частію казался противнымъ ея обычаямъ и выгодамъ. Въ самомъ дѣлѣ, языкъ какого нибудь Герреса или Шлегеля былъ слишкомъ высокъ для простаго разумѣнія, а языкъ Галлера и Пфейлшифтера казался слишкомъ низкимъ. Между тѣмъ литературные аристократы, мужи, присвоивавшіе себѣ исключительно шишло геніевъ, болѣе или менѣе согласовались между собою въ томъ іерархико-аристократическаго противодѣйствія. Такъ Стеффенсъ, который не хотѣлъ ни чего слышать объ іерархіи, не прославлялъ ли по крайней мѣрѣ феодализма? Не ему ли принадлежитъ это знаменитое изрѣченіе: что если для дворянина наслажденіе составляетъ работу, то для простолюдина работа составляетъ наслажденіе? Сильная по своему вліянію философія Гегеля не способствовала ли распространенію тѣхъ же понятій? Самъ Гёте не проповѣдуетъ ли ихъ при каждомъ случаѣ? Даже блаженной памяти Фоссъ, у котораго доставало злорѣчія, провозглашалъ себя поборникомъ свободы, не соперничалъ ли съ Галлеромъ, въ доказательствѣхъ глубочайшей покорности обстоятельству? Болѣе же всего должно вспомнить здѣсь о герцогѣ Юриспруденціи, Гещингенскомъ Гуго,

который торгъ Неграми считалъ согласнымъ съ правами природы, съ законами разума. Мы представилибъ еще множество подобныхъ примѣровъ, еслибъ то было нужно. Распространеніе ультрализма въ послѣднемъ десятилѣтіи походитъ на демагогію предшествовавшаго десятилѣтія. Но какъ неистовства и безразсудства демагоговъ — (вспомнимъ о Зандѣ) — чрезвычайно вредили умѣренному образу мыслей: такъ на оборотъ излишнія приязанія ультра вредятъ постоянному и законному порядку. Часто дурные защитники портятъ дѣло само по себѣ хорошее. Пятнадцать мирныхъ лѣтъ! Драгоценное время! Чего въ продолженіе его не лзя было сдѣлать для удовлетворенія и примиренія умовъ? Тогда не спалабы одна партія торжествовать исключительно и съ ослѣпленіемъ идти на переکورъ общему мнѣнію.

Изящная Словесность испышала въ свою очередь великую перемѣну. Надобно было надѣяться, что чувство изящнаго, развившееся съ такою прелестію подъ бурями войны, въ цвѣтущей вѣкѣ Шиллера, Шлегелей, Тика, Жан-Поля, Ифланда и Коцебу — еще пышнѣе разцвѣстетъ подъ сѣнію славнаго мира. Вышло совсѣмъ прошивное. Искусства и вкусъ въ ужасномъ уничиженіи: водворилось совершенное варварство. Въ обласши поэзіи все разстроилось, все разпалось на враждебныя крайности, Ученики прежнихъ великихъ

поэтовъ, какъ будто желая продлить ихъ славу, затворяются въ святилища своихъ школъ и тамъ, идолопоклонствуя предъ своими образцами, передразниваютъ ихъ. Они думаютъ, что у нихъ только сохраняется хороший вкусъ; но между тѣмъ съ своимъ сухимъ и бездушнымъ подражаніемъ извѣстными формамъ, съ своей неестественной преушонченностью, подвергаются обыкновенной участи подобнаго ребячества. Съ другой стороны выступаетъ съ безстыдною дерзостію стихотворная чернь и варварскими театральными пѣсами и романами, на сценѣ и въ книжныхъ лавкахъ, затопляетъ немногія произведенія лучшихъ поэтовъ. Такимъ образомъ нелѣпости принужденной сентиментальности вспрѣчаются съ грубыми порожденіями пошлости. Тамъ лирическое стихотвореніе или дамскій романъ, коего нѣжничанье переходитъ въ безсмысліе и оканчивается мыльными пузырями: здѣсь драматическія картины и историческіе романы, пресмыкающіеся въ шинѣ глубочайшаго и грубѣйшаго разврата. Естественность и красота въ обоихъ случаяхъ исчезаютъ. Вездѣ искаженіе и уродство. Въ дамскихъ романахъ ханжесство, въ трагедіяхъ явное кровосмѣшеніе. Вездѣ отсутствіе простоты, смысла, а слѣдовательно и изящества.

Въ какомъ жалкомъ упадкѣ театръ нашъ! Точно также какъ публичное соженіе арле-

кина, останешся любопытною рѣдкостью въ исторіи Германской сцены, что Гёте, этотъ царь поэшовъ, былъ согнанъ съ Нѣмецкой сцены — пуделемъ, Обривой Собакой, которой онъ не могъ видѣть въ балаганахъ и которая теперь сдѣлалась необходимою потребностію новаго Нѣмецкаго вкуса. Но пусть бы уже дѣйствовали пудели, медвѣди, обезьяны: нѣтъ — Мюлнеръ вывелъ на сцену звѣрей въ образѣ человѣческомъ; и за нить пошянулись безсмысленныя такъ называемыя картины рока (*Schicksalsstucke*) Нѣмецкихъ и отвращительныя мелодрамы Французскихъ театральныхъ маракъ. Вошелъ въ моду какой-то Каннибализмъ, обнаруживающійся даже въ историческихъ романахъ. Стихотворцы старались превзойти другъ друга неестественною и уродливостію, а публика съ жадностію принимала ихъ произведенія. И это все происходило въ мирное время, подъ благодатнымъ созвѣдіемъ гуманистики! Правду сказать, только такого рода сочиненія и могли имѣть успѣхъ, когда пощія ямбическія трагедіи многочисленнаго поколѣнія Шиллерова не производили никакого дѣйствія, а комедіи, ни мало не забавныя, возбуждали только зѣвошу, которая должна быть пріятнѣйшею местию для кровавой тѣни Коцебу — ибо кто теперь не обратился бы къ нему?

Причина столь слабыхъ успѣховъ поэзіи, кажется, зависитъ отъ особеннаго разстрой-ства, примѣчаемаго въ умахъ. Теперь не доста-етъ той тишины и ясности, безъ которой не возможно ни производить изящное, ни имъ на-слаждаться. Странно, что въ прекрасное время мира могла исчезнуть эта ясность; а между тѣмъ это правда. Нѣтъ болѣе довѣрчивости, радушія, естественности. Одинъ надувается передъ другимъ, одинъ не довѣряетъ другому, одинъ другаго морочитъ. Веселость считается неприличною, естественность низкою. Хаяжество препятствуетъ изліанію безприм-ворныхъ ощущеній; холодная Сѣверо-Амери-канская или древле - Испанская чинность по-давляеть веселую свободу духа. Куда дѣва-лись пріятность, нѣжность, игривость ха-рактеровъ? Мы не удалимся отъ истины, если настоящую порчу поэзіи припишемъ очер-ствѣнію нашихъ нравовъ. Но состояніе нра-вовъ также во многомъ зависитъ отъ обстоя-тельствъ; и мы снова должны повторить упрекъ, что прекрасные пятнадцать мир-ныхъ лѣтъ должны были сдѣлать насъ не уг-рюмыми, не скучными, не брюзгливыми, а живыми и веселыми.

Это разстройство духа обнаружилось въ особенномъ родѣ поэзіи, составляю-щемъ исключительную принадлежность на-

шего времени: именно въ національной сатиры на свою собственную націю. Никогда Германия не подвергалась столь горькимъ и жестокимъ сарказмамъ, какъ въ послѣднюю мирную эпоху: Гёррессъ, Жан-Поль, Юлій Фоссъ, Фридрихъ Бёрне, авторъ Мира и Времени, Издашель Гаммельбургскихъ Путешествій, Гейне и другіе, съ большимъ или меньшимъ талантомъ наперерывъ старались пересмѣхавъ Нѣмецкій бытъ вообще или покрайней мѣрѣ настоящее его состояніе. Но къ сей сатиры всегда примѣшивается чувство какого-то унынія; и смѣхъ ея есть горькій смѣхъ негодованія. Явленіе сіе не относится къ немногимъ, наскучившимъ жизнию. Нѣтъ — оно выражаетъ общій духъ цѣлой націи: оно принадлежитъ и нѣжному, добросердечному Жан-Полю, и шусливому Гейне, и суровому Бёрне — и, что всего важнѣе, повсюду привлекаетъ вниманіе публики. Публика видитъ, что насмѣшники не совсѣмъ несправедливы и за то любитъ ихъ. Это однакожь не мѣшаетъ намъ замѣтить, что ихъ укоры превосходятъ всякую мѣру и принимаютъ иногда видъ горькой безотрадности (Бёрне), а иногда кощунскаго униженія (Гейне) — что оскорбляетъ изящный вкусъ. Между тѣмъ только это недовольство кажется естественнымъ и истиннымъ. Почему же послѣднее мирное время не имѣетъ въ себѣ ни чего утѣшительнаго, какъ къ эпоху между семилѣтнею и союзною войною?

Если сравнимъ вообще изящную литературу того блаженнаго времени съ настоящею: по съ перваго взгляда увидимъ, что тамъ господствовала сентиментальность, а здѣсь иронія. Чувствительность вкрадывалась тогда даже въ ученые сочиненія: каждый хотѣлъ имѣть прекрасную душу. Нынѣ хотѣшь имѣть только одинъ умъ. Посему тамъ встрѣчаемъ мы добросовѣстность — здѣсь ложь, тамъ тепло — здѣсь холодъ. Да — ледянность, лживость, стараніе блеснуть остроуміемъ — составляютъ элементы ироніи, приправляющей нынѣшнія философскія сочиненія и романы; между тѣмъ какъ тогда добродушное простосердечіе соревновало съ щепылымъ одушевленіемъ, чтобы только проявить себя вполне, гдѣбы то ни было — въ космополитической ли мечтательности или въ Лафонтеновскомъ романѣ и въ Ненависти къ Людямъ и Раскалніи.

Это кажется довольно, чтобы показать недостатки нашей новѣйшей литературы. И не Франція ли имъ способствовала? Не иноземный ли духъ, по естественному противодействию, подавилъ духъ національный, долгое время развивавшійся независимо, самобытно? Правда, въ началѣ прошедшаго пятинадцатилѣтія, у насъ все было ультраиѣмецкое. Науки и искусства занимались преимущественно Нѣмецкою стариною, и Фуке былъ любимымъ поэтомъ. Это однако продолжалось недолго; и какъ извѣстно, что привязанность къ эсте-

нической сторонѣ среднихъ вѣковъ превратилась немедленно въ привязанность къ папству и феодализму, что Назарейне скоро сдѣлались Лезуитами: то сіе явленіе въ Германіи надобно объяснять изъ реакціи лезуишовъ во Франціи. Однако не одно это, но вмѣстѣ и перемѣна, которую должна была испытать изящная Французская литература, принужденная противопоставлять господствующей силѣ большую осторожность степенность, холодность, лживость и начала болѣе историческія, нежели теоретическія — сія перемѣна образа мыслей и способа выраженія Французовъ, кажется, имѣла весьма великое вліяніе на Германію. Сюда надобно также отнести чрезмѣрное множество переводовъ. Никогда въ Германіи не переводили столько Французскихъ и Англійскихъ сочиненій, какъ со времени Карлсбадскихъ установленій. Въ особенности же, Французскія театральныя піесы и Англійскіе романы сдѣлались господствующею модною потребностію Германіи: Скрибъ вытѣснилъ Шиллера, Валшеръ Скоптъ — Гёте. Но спрашивается опять: что жъ препятствовало въ продолженіе прекрасныхъ пятнадцати лѣтъ мира свободному полету Нѣмецкаго генія? Какъ вліяніе чужеземное могло стѣснить до такой степени духъ національный?

Впрочемъ новѣйшая литература имѣетъ также свою свѣтлую сторону, и мы никакъ не

можемъ оставить ее безъ вниманія. Нѣтъ времени столь бесплоднаго, въ коемъ бы никакое духовное возрастаніе не имѣло мѣста; а настоящее имѣло самое быстрое развитіе. Если бы ближайшіе къ намъ годы даже и не способствовали ни сколько къ дальнѣйшему совершенствованію, то они потому уже чрезвычайно драгоценны, что въ продолженіе ихъ изстребилось все то, что прежде подавляло наше образованіе и давало ему ложное направленіе. Тѣсный мѣщанскій бытъ, вялая, прищорная, мѣлочная семейственная сентиментальность уступила мѣсто высшему, обширнѣйшему чувству общности. Отъ идилліи Нѣмецъ перешелъ къ героической трагедіи, отъ семейственнаго романа къ историческому. Зрѣлому чувству не нравились уже простодушный спальный халатъ; и нѣжности подобныя шѣмъ, кои находятся въ Версеръ, у Ифланда, Коцебу и Лафоншеня, сдѣлались смѣшными, по заслугамъ. Страданія и подвиги народовъ заставили позабыть о страданіяхъ и подвигахъ отца семейства; о тоскѣ дѣвушки, о вздохахъ любовника. Къ этой домашней сентиментальности прежнихъ блаженныхъ временъ привились грубѣйшіе національные пороки, бездѣйственность и изнѣженность, вялость и эгоизмъ, политическая безсовѣстность и равнодушіе къ отечеству, Кишайская щепетильность и Кишайская суешность, словомъ, все жалкія сла-

боспи, которыя въ продолженіе союзныхъ войнъ отдавали насъ въ добычу Французскому своевольству до тѣхъ поръ, пока горькая необходимость не сдѣлала насъ мужами. Теперь мы конечно поостережемся ворошиться къ подобнымъ глупостямъ: и это составляетъ важное драгоцѣнное приобрьшеніе опыта.

Не менѣе должно радоваться тому, что теперь у насъ вывелось театральное мотовство, которое въ прежнее блаженное время вкралось было въ нашу общественную жизнь. Среди глубокаго мира, послѣдовавшаго за семилѣтнею войною, пробудилась пламенная любовь къ изящнымъ искусствамъ и всѣ умные люди увлеклись ею. Не занимаясь болѣе семейственнымъ счастьемъ, начали заниматься только древностями, собраніемъ художественныхъ памятниковъ, театрами и литературой. Утонченный эстетическій эпикуреизмъ сдѣлался господствующею цѣлю жизни для всѣхъ образованныхъ. Все было устремлено къ изяществу и художественности. Таланты блистали при дворахъ и въ гостинныхъ вельможъ; даже вѣнценосныя особы, какъ то: Фридрихъ II, Екатерина II, Веймарская Герцогиня Амадія, Герцогъ Готтасскій, Іосифъ II и другіе, не только какъ Меценаты, но и какъ диллетанты входили съ ними въ связи. Такимъ образомъ если прежде знатные хотѣли быть просвѣщенными: то въ то время просвѣщенные сдѣ-

лались знашными. Артисты, поэшы и всѣ такъ называемые остроумцы, гораздо болѣе другихъ людей подвержены соблазнительнымъ внушеніямъ честолюбія. Отсюда понятно, почему сіи остроумцы въ Германіи, равно какъ и во Франціи, упорствовали сойши съ высоты того владычества, до котораго имъ удалось однажды достигнуть. Сдѣлавшись въ тягость Французскому двору, они прислали къ оппозиціонной ему партіи и не мало способствовали успѣхамъ революціи. Въ Германіи при подобныхъ обстоятельствахъ они основали свои собственныя дворы; и маленькія художническія монархіи спокойно, безъ всякаго препятствія, заняли мѣста подлѣ монархій политическихъ. Каждый поэшическій самодержецъ пребовалъ, чтобы въ области подчиненной его скипетру, всѣ смотрѣли его глазами, понимали и дѣлали все не иначе, какъ художнически. Явились философы, которые, подобно визирямъ художниковъ - султановъ, проповѣдывали ученіе, что искусство есть лучшій цвѣтъ жизни и единственное ея назначеніе. Братъя Шлегели и Солгеръ простерлись еще далѣе. Они образовали особенный духъ, полагавшій всю цѣну жизни въ искусствахъ: эшотъ духъ господствовалъ долго и еще нынѣ имѣетъ своихъ приверженцевъ. Конечно, пріятно было видѣть, какъ намѣсто прежней устарѣвшей протестанской прозы, намѣсто глупыхъ подражаній

Французскому вкусу, начало оживать и развиваться родное творчество: но съ другой стороны энтузіазмъ, съ коимъ принялись за искусства, переступилъ всѣ предѣлы. Ошь того привязанность къ искусствамъ простерлась до глупости. Желая положить на все печать художественности, съ намѣреніемъ удалялись во всякомъ случаѣ отъ природы дѣйствительной. Погружившись въ мечтательный міръ фаншазіи, не заботились о томъ, что происходитъ въ міръ ихъ окружающемъ; лишь бы только на театрѣ герой дѣйствовалъ великодушно и благородно, въ жизни можно было позволять себѣ совершенно противное. Публика читала народные романы, не обращая вниманія на настоящее положеніе отечества; и однажды случилось, что въ то время, когда въ Лейпцигѣ печаталось множество стихотворныхъ Альманаховъ, подъ Лейпцигомъ происходила народная битва. Лессингъ въ свое время хвастался тѣмъ, что не читаетъ газетъ, а Каллош-Гофманъ имѣлъ къ нимъ такое отвращеніе, что не могъ ихъ видѣть. Эта мечтательность, это отступничество отъ дѣйствительности, бывшія въ великой модѣ, нынѣ къ счастью болѣе не существуютъ; и это опять составляетъ богатое приобрьшеніе для жизни, хотя бѣ искусство отъ того и потеряло.

Но главное, что литература наша приобрѣла чрезъ перемѣну, въ ней происшедшую, состоитъ въ томъ, что теперь прошло те-

орешическое круженіе умовъ и наступила эпоха историческаго разума, слѣдующаго опыту. Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія, такъ называемый, философическій духъ господствовалъ во всѣхъ отрасляхъ литературы: тогда все хотѣли объяснять а priori, даже природу и исторію. Принявши за основаніе какое нибудь главное положеніе, выводили изъ него слѣдствія, ни мало не заботясь, согласнולי это съ опытомъ и дѣйствительностію. Если допустить это начало, то выдѣтъ такое заключеніе — говорили обыкновенно мыслишелл, и умствовали такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока доходили до нелѣпости. Тогда не было ни чего проблемматическаго: мало того, что старались изъяснить все подлежащее сомнѣнію, даже отваживались опровергать предметы совершенно очевидные, изъ одного удовольствія добираться до началъ и выводить слѣдствія. Чего не домогались отъ природы и отъ всемірной исторіи для того, чтобы сіи непокорныя вещества втѣснить въ рамки философическихъ формулъ? Это имѣло тѣмъ большее вліяніе на политическія мнѣнія, что Французская революція, тогда дававшая тонъ всей Европѣ, равномерно подвержена была параксизму умозрительной горячки. Въ одно и тоже время Робеспьеръ остреемъ гильотины, а Фихте осприемъ доказательствъ рѣзали опытъ; и между тѣмъ какъ во Франціи оштерпѣвшійся

ученикъ жестоко мстиль теоріи, въ Германіи долго еще бредили системами.

Въ послѣднее время мы видимъ совсѣмъ другое. Во всѣхъ отрасляхъ литературы духъ умозрѣнія вытѣсненъ эмпиризмомъ и дѣйствительностью. Въ четырехъ факультетахъ, включая медицинскій, въ продолженіе прошедшаго десятилѣтія, не много открыто новыхъ идей: но за то гораздо прилежнѣе занимались розысканіями по части Исторіи Церкви и религіозныхъ мнѣній (Неандеръ), равно какъ по части Исторіи Философіи (Ритшеръ, Виндишманъ, Рикснеръ) и по части Юриспруденціи (Савиньи, Митшермайеръ, Гриммъ и др.). И сіи историческія занятія единогласно признаются превосходнѣйшими изъ всѣхъ ученыхъ трудовъ въ обласяхъ наукъ, къ коимъ принадлежатъ. Даже въ изящной литературѣ господствуетъ пошлѣе духъ. Историческіе романы не завладѣли почти исключительнымъ правомъ на вниманіе? Собственно Исторія послѣ естественныхъ наукъ и механическихъ художествъ безспорно составляетъ предметъ важнѣйшаго занятія и изученія. Правда, мы должны жаловаться на недостатокъ хорошихъ исторіографовъ, но за то у насъ чрезвычайно много историческихъ розыскачелей, а сіи послѣдніе должны всегда предшествовать первымъ. Среди непрерывныхъ успѣховъ историческихъ занятій не возможно съ точностію обозрѣть плоды ихъ. Но если срав-

нить на пр. все то, что можеть представишь намъ Рюйсъ въ своей прежней и Лео въ своей новѣйшей исторіи среднихъ вѣковъ относительно пригоповительныхъ разысканій: то для всякаго будетъ очевидно богатство успѣшныхъ занятій въ прошедшемъ десятилѣтіи. Нынѣ изслѣдованы всѣ времена и народы, сдѣланы повсюду новыя открытія, обоснованы новые взгляды: и только въ Историческихъ Наукахъ является жизнь почти угасшая въ Философіи, Богословіи, Политикѣ, Правовѣденіи, Педагогикѣ и Изящной Словесности.

Равнымъ образомъ Естествовѣденіе и Механическія Художества чрезвычайно подвинулись впередъ; и только умозрительная часть ихъ, Чистая Математика, осталась на прежней степени, тогда какъ все эмпирическое и практическое сдѣлало удивительные успѣхи. Всѣ отрасли Естествовѣденія были обрабатываемы успѣшно; счастливыя открытія, богатыя собранія, удачныя системы до неимовѣрности разпространили предѣлы естественныхъ опытовъ. То-же надобно сказать о Технологіи и Сельскомъ Хозяйствѣ. Не только несмѣнно умножены и объяснены прежніе опыты по симъ частямъ; но чрезъ точнѣйшее разграниченіе отдѣльныхъ отраслей человѣческаго знанія, въ области ихъ, множество новыхъ наукъ

получили бытіе опідальное и самостоятельное.

Замѣшимъ здѣсь одну достойную вниманія черту, которая отъ естествовѣденія перешла къ политикѣ. Нынѣ не довольствуются тѣмъ, чтобы только набивать голову произшествіями и оставляють ихъ безъ употребленія подобно мертвому капиталу; нѣтъ — нынѣ стараются примѣнять ихъ къ практической жизни. Такимъ образомъ Статистика, Государственное Хозяйство и Бухгалтерія, прежде извѣстныя только по названію, въ новѣйшее время доведены до совершенства и обращены въ источники безчисленныхъ выгодъ.

Эта многосторонняя разработка наукъ опытныхъ естественно должна была имѣть рѣшительное вліяніе на мнѣнія политическія; и если преждее пристрастіе къ системамъ въ іерархико-аристократическомъ или просто іезуитскомъ кругу стремилось къ недостижимой высотѣ, то это ни мало не препятствовало сильнѣйшей массѣ націи усвоить себѣ ту благоразумную умѣренность, которая теперь составляетъ характеръ общаго образа мыслей въ Германіи. Нынѣ не занимаються болѣе ни республиканскими ни абсолютистическими теоріями, но практическими выгодами жизни; не мечтають о несбыточныхъ идеалахъ, но съ разсудительностію и осторожностію выбираютъ вѣрные средства, которыя пользу частную

соединяють съ пользою общественною. Посему распри прежнихъ политическихъ партій нынѣ ограничиваются немногими хозяйственными вопросами, рѣшеніе коихъ находится въ предѣлахъ возможности и очень недалеко.

съ Нѣмецк. М. Ч.

II.

ФОЛЕТТО а).

(ФАНТАЗІЯ).

Подъ черѣмухой душистой
 Сонъ мой сладоснешъ и тихъ ;
 Но лишь лучъ зари огнистой
 На воспокъ вспыхнешъ ; вмигъ
 Прысокъ , скоръ ,
 Быстрѣй чѣмъ взоръ ,
 Черезъ шемя горъ ,
 Вдоль полей и степей ,
 По равнинамъ зыбей
 Я на бабочкѣ крылашой ,
 Незамѣченный атомъ ,
 Мчусь , проказами богашой ,
 Росъ облишый серебромъ .

(а) *Felitto* называлъ Тассъ, въ помѣшательствѣ, домашняго своего гения. *Пр. Сак.*

Когда младенец спишь
И сквозь сонъ смѣешься,
Надъ его беззаботною
Люлькой сшою.

Роза ль въ щечкахъ горишь
У прелестной, и вѣтши
Русый локонъ; пролетною
Я ппашкой надъ нею пою,
Въ моей пѣсни любовь,
Какъ воздухъ горь,
И свѣжа и легка;
Не волнуешь кровь,
Но засвѣпишь взоръ,
Какъ луна облака.

Призадумается ли
Пылкій юноша порой,
Забывая подвигъ славы;
Вихремъ я его съ земли,
Иль мяселью снѣговой
Изъ подлунныя державы
Уношу за сродъ небесъ,
Въ край далекій, въ край чудесъ,
Передъ нимъ моя ширинка
Блескомъ радуги горишь;
На грядущемъ - свѣшломъ дымка
Разноцвѣтная лежишь:
Дышущъ поцѣлуй, очи —
Спрасши пламенный языкъ,
Вмигъ прошло все; какъ средъ ночи
Пробудившійся; онъ дикъ.

Черезъ горы , лѣса ,
 Чрезъ проваль кипящій ,
 Мчусь , блестя какъ роса ,
 Иль листокъ говорящій ,
 Какъ всаешь гроза
 Я сверкну въ глаза ,
 Въ буйномъ вихрь шумящій.

Кшо въ весенній разсвѣтъ
 Будить сонный слухъ
 Пѣсню сладкою ?
 Смолкъ — и долу нѣтъ ,
 Ни подъ небомъ нѣтъ ;
 Ты заснулъ , и вдругъ
 Я украдкою
 Пѣснь спою нѣжнѣй ,
 Надъ главою швоей
 Зыблясь въ воздухъ
 Невидимкою.

Иль на ласточкѣ верхомъ
 Я по взморью быстро рѣю ,
 Волны рѣзвѣмъ быю крыломъ ,
 Слѣшь съ волной , и вдругъ надъ нею
 Какъ стрѣла подъ небо выкошь ,
 И , любуюся , гляжусь
 Въ зыбкомъ зеркалѣ
 Моря синяго.

Воленъ я , какъ вѣтръ пущынный ,
 Силенъ я , какъ ураганъ ;
 Если столбъ увидишь дымный ,
 Иль крушащійся шуманъ ,
 Вдалъ скорѣй бѣги отшолъ ,

Чшобъ бѣдоу не наспигъ.
 Я схвачу, и въ бурной волѣ
 Увлеку въ единый мигъ.
 Огненны мои объашья,
 Поцѣлуй — песокъ палишь;
 Тканью молнійнаго плашья
 Чшо обвѣю - все горить.
 Не проси шогда пошады.
 Я безжалосшенъ, суровъ,
 Бѣлыхъ ошвововъ громады —
 Яркій слѣдъ моихъ шаговъ.

Но когда я тихо вѣю,
 Оживаетъ страна,
 Аромашной струею
 Упоена.

Чшо ливанъ швой и алде,
 Смирны драгоценный паръ!
 Я дохну — и все земное
 Погрузишся въ роскошь чаръ.
 Ты помонешъ въ нѣгъ шомной,
 Очарованъ, услажденъ,
 Какъ въ купальнѣ благовошной
 Будшо вновь перерожденъ.

Слыхалъ ли шы когда сквозъ сонъ
 Незримой музыки напѣвы?
 То будшо голосъ юной дѣвы,
 То арфы ошдаленной звонъ,
 То нѣжной флейшы переливы,
 Звучащей сладко по горамъ;
 Дохнушь не смѣя, молчаливый
 Ты былъ шогда вниманье самъ.

Но слаще утренней свирѣли,
 Спада сзывающей на дугъ,
 Пріятнѣй пѣсней колыбели,
 Есть пѣснь, лелѣющая слухъ:
 Ея аккорды всѣ небесны,
 Не дѣши сна, а на яву
 Они, какъ звуковъ міръ чудесный,
 Вдругъ снидуть на твою главу.

Сперва ихъ грудь вмѣспить не можешь.
 Ей душно, сердце спѣснено;
 Но легче, легче. . . и, она
 Забойной хладной не превозишь;
 Въ очахъ засвѣтился душа,
 Уста улыбкой сладкой полны,
 И вся земля такъ хороша,
 И такъ роскошно плещущъ волны.

На всеъ исчезнетъ грусти тѣнь;
 Все такъ безоблачно и ясно,
 Какъ будшо снова въ міръ прекрасной
 Блеснулъ созданья первый день.
 Ты хочешь сердцемъ перелпиться,
 Всему восторгъ свой передашь,
 И слухъ не можешь ушомишься
 Ту пѣснь прекрасную внимать.

Такъ древность поцѣснь сохранила
 О райской пшичкѣ; смарика
 Пѣснь дивной въ думу погрузила
 На незамѣнные вѣка.

Я эту пѣснь тебѣ навѣю
 При яркомъ препетѣ луны,
 И мыслью ты умчишься съ нею
 Въ волшебный мѣръ моей страны.

. . . . .
 . . . . .

Д. Озновишинъ.

III.

НЕВѢСТА АРИСТОКРАТКА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Камердинеръ дорисовывалъ на желтомъ черепѣ Графа де Фонтена напудренную дельту, которая съ висячими *ails de pigeon* поддерживала его прическу, когда сей послѣдній съ тайнымъ волненіемъ приказалъ старому слугѣ доложить гордой красавицѣ, чтобъ она немедленно предстала предъ главу семейства.

— „Іосифъ“ — сказалъ Графъ камердинеру, когда онъ кончилъ совершенно свое дѣло — „убери эту салфетку, подними занавѣски, разставь кресла по мѣстамъ, выбей коверъ передъ каминомъ, оботри вездѣ пыль! Скорѣе!.. Да отвори окно, чтобъ освѣжить воздухъ.“

Безпрерывными приказаніями Графъ почши сбилъ съ ногъ камердинера, который угадывая намѣреніе своего господина, старался всячески

сообщить нѣкоторое великолѣпіе комнатѣ, по обыкновенію самой безпорядочной во всемъ домѣ. И дѣйствительно ему удалось въ нѣкоторой гармоніи размѣстить груды счетовъ, картоновъ, книгъ и мебели этого таинственнаго святилища, въ коемъ взвѣшивались выгоды Королевскихъ имуществъ.

Приводя эшотъ хаосъ въ порядокъ, Іосифъ съ намѣреніемъ выставилъ на видъ, какъ въ модномъ магазинѣ, тѣ вещи, кои могли быть пріятны для глазъ, и пестрою цвѣтовъ своихъ образовалъ нѣкоторый родъ бюрократической поэзіи: потомъ остановился посреди этого дедала бумагъ, копорыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежали даже на полу, подивился самъ своему искусству и покачавъ головою вышелъ.

Но Графъ не совѣмъ раздѣлялъ на эшотъ разъ доброе мнѣніе своего слуги, и прежде нежели усѣлся въ огромныя, обитыя краснымъ сафьяномъ кресла съ выгнушою спинкою, бросилъ вокругъ себя недовѣрчивый взглядъ, съ враждебнымъ видомъ посмогрѣлъ на близну своего халата, сдунулъ съ него нѣсколько порошинокъ табаку, вытеръ носъ, прибралъ щипцы и лопатки, раздулъ огонь, поправилъ шифлы, ошкнулъ назадъ небольшой пучокъ, который помѣстился горизонтально между ворошникомъ жилета и халатомъ, и приведя его опять въ перпендикулярное положеніе, смахнулъ щеткою золу съ камина,

который предательски изобличал упорство его катарры.

Наконецъ старый Вандеецъ не прежде усѣлся совершенно въ креслахъ, какъ осмотрѣвъ еще разъ весь свой кабинетъ и удостовѣрившись, что ни что не подастъ повода къ насмѣшливымъ и дерзкимъ замѣчаніямъ, коими любимая дочь его, употребляя во зло шестидесятилѣтнюю его нѣжность, обыкновенно отвѣчала на благоразумные его совѣты. Въ настоящемъ случаѣ онъ хотѣлъ сохранить всю важность отца. Наконецъ, осторожно попиюхавъ шабаку, онъ кашлянулъ раза три, какъ будто приговарываясь отбирать голоса — ибо услышалъ легкую походку дочери, которая вошла напѣвая арію изъ оперы *del Barbieri*.

— „Здрастуйте, батюшка . . . что вамъ вздумалось такъ рано позвать меня къ себѣ?“ —

И бросивъ небрежно слова сіи, какъ прежде напѣваемую арію, она поцѣловала отца, не съ шюю непринужденною нѣжностью, которая даетъ такую сладость дѣтской любви, но съ безпечнымъ легкомысліемъ любовницы, увѣренной, что все что бы она ни сдѣлала, непременно будетъ нравиться.

— Другъ мой — сказалъ съ важностью Графъ де Фоншень — я позвалъ тебя, чтобъ основательно поговорить съ тобой о твоей будущности. Ты необходимо должна теперь

выбрать себѣ мужа, который бы могъ составить твое счастье. . .

— „Любезный батюшка“ — прервала его Эмилія самымъ ласковымъ голосомъ — „мнѣ кажется, что перемиріе, которое мы заключили на счетъ жениховъ моихъ, еще не кончилось.“

— Эмилія, пора оставить шутки о такомъ важномъ предметѣ. Съ нѣкотораго времени старанія всѣхъ искренно тебя любящихъ стремятся къ тому, чтобы приличнымъ образомъ тебя пристроить; и ты была бы неблагодарна, еслибъ легкомысленно стала принимать знаки участія, которое не одинъ я въ тебѣ принимаю.

Выслушавъ сіи слова, Эмилія бросила лукавый и испытующій взглядъ на мебель опцовскаго кабинета. Она взяла одно изъ кресель, которое казалось менѣе другихъ употребляемо было просишелями, поставила его по другую сторону камина противъ отца и съ важнымъ видомъ, въ коемъ не лзя было не замѣтить слѣдовъ насмѣшливости, села, сложивъ крестомъ руки на богатой пелеринкѣ à la peïge, коей многочисленныя тюлевые рюши всѣ отъ того перемялись. Взглянувъ потомъ съ усмѣшкой на озабоченное лице стараго отца своего, она прервала молчаніе.

— „Я никогда не слыхала отъ васъ, любезный батюшка, чтобы правительство могло производить дѣла въ спальномъ халатѣ;

но впрочемъ“ — прибавила она съ улыбкой — „народъ не прихотливъ. И такъ посмотримъ же ваши проекты законовъ и официальные представленія.“ ..

— Я не всегда буду имѣть возможность, глупенькая . . . или . . . я не хочу болѣе, сударыня, унижать мой характеръ, составляющій часть богатства моихъ дѣтей, чтобы вербовать для тебя полки танцовщиковъ, которые ты каждую весну обращаешь въ бѣгство. Ты была уже невиною причиною многихъ опасныхъ ссоръ съ нѣкоторыми сѣмействами: но я надѣюсь, что ты сегодня лучше поймешь, какъ затруднительно наше и твое положеніе. Эмилиа! тебѣ двадцать лѣтъ и вотъ уже около пяти какъ ты все остаешься въ невѣстахъ. Братья и сестры твои богаты и счастливы. Но издержки, причиненныя намъ устройствомъ ихъ судьбы, и образъ жизни, поддерживаемый матерью твоею для тебя, такъ истощили наши доходы, что я не могу дать тебѣ въ приданое болѣе ста тысячъ франковъ. Съ нынѣшняго же дня я хочу ваяться будущностью твоей матери. Я не долженъ жертвовать ею для своихъ дѣтей и желаю, Эмилиа, чтобы, когда меня не будетъ, жена моя не зависѣла отъ другихъ и продолжала наслаждаться довольствомъ, которымъ я слишкомъ поздно вознаградилъ ее за ея преданность къ моимъ несчастіямъ. И такъ

ты видишь, другъ мой, что маловажность твоего приданого не соотвѣтствуетъ твоимъ великимъ замысламъ. Да и такого пожертвованія не дѣлали мы для другихъ дѣтей: но они великодушно согласились не роптать на предпочтеніе, оказываемое нами нѣжно любимой дочери.

— „Въ ихъ состояніи!“ — сказала Эмилія, насмѣшливо покачавъ головою.

— Дочь моя, никогда не унижай тѣхъ, которые тебя любятъ. Знай, что только бѣдные бываютъ великодушны. У богатыхъ всегда найдутся причины, чтобъ не разстаться для родственника и двадцатью тысячами франковъ. Ну, не сердись же, мой другъ! . . . Въдь ты разсудительна! . . . Поговоримъ ка объ нашихъ молодыхъ людяхъ? Не замѣтила ли ты между ними Г. Монполана?

— „О! онъ говоритъ зен вмѣсто жеу, все смотритъ себѣ на ноги, потому что онъ ему кажутся очень малы, и безпрестанно глядится въ зеркало. Припомъ же онъ блондинъ, а я люблю брюнетовъ.“ —

— Ну такъ Г. де Серизи?

— Онъ не дворянинъ, полстъ и дурно сложенъ. Правда у него черные волосы. Надо было бы имъ обоимъ согласиться и соединить свои формы, такъ чтобъ первый отдавалъ свою наружность и свое имя второму,

кошорый бы могъ сохранить волосы . . . и тогда . . . можешь быть.“ . . .

— А что скажешь о Г. де Салюсь?

— „Онъ сдѣлался банкиромъ.“

— Г. де Коминъ?

— „Онъ дурно танцуетъ; припомъ же, батюшка! всѣ они не имѣютъ шишуловъ, а я хочу быть по крайней мѣрѣ Графиней, какъ матушка.“

— Такъ ты нынѣшнюю зиму не замѣтила ни кого, кто бы. . . .

— „Никого, батюшка.“ . . .

— Чего же ты хочешь? . . . .

— „Сына Пера Франціи.“ —

— Дочь моя, сказала въспавая Графъ, ты сошла съ ума! . . .

Но вдругъ онъ поднялъ глаза къ небу, и, казалось, въ благочестивой мысли почерпнулъ новое упованіе на Всевышняго. Онъ бросилъ взглядъ состраданія на дочь свою, пожалъ ей руку и съ умиленіемъ сказалъ:

— Богъ свидѣтель! что я по совѣсти исполнялъ долгъ отца въ отношеніи къ тебѣ, не только по совѣсти, но съ любовію, милая Эмилиа. Да, Богу извѣстно, что я нынѣшнею зимою представлялъ тебѣ многихъ честныхъ людей, коихъ качества, поведеніе и характеръ были мнѣ извѣстны и кои всѣ казались намъ тебя достойными. Дочь моя, дѣло мое теперь кончено. Съ нынѣшняго дня судьба твоя въ твоихъ рукахъ и я почитаю себя вмѣстѣ и сча-

спливымъ и несчастливымъ, что избавился отъ обязанности самой тягостной для отца. Не знаю долго ли еще будешь ты слышать голосъ, которой по несчастію никогда не былъ строгъ; но вспомни, что супружеское счастье не столько основано на блестящихъ качествахъ и богатствѣ, сколько на взаимномъ уваженіи. Оно по своей природѣ скромно и чуждо блеска. Будь увѣрена въ моемъ согласіи на бракъ твой съ тѣмъ, кого ты выберешь: но если онъ сдѣлаетъ тебя несчастной, то ты не будешь имѣть права роптать на своего отца. Я не откажусь хлопотать и помогать тебѣ; но если ты сдѣлаешь выборъ, то надобно, чтобы онъ былъ уже рѣшительный; ибо я не намѣренъ два раза шумить уваженіемъ, которое заслуживаютъ мои сѣдины.

Нѣжность отца и торжественный голосъ, коимъ онъ произнесъ свое назидательное увѣщаніе сильно пронудилъ Эмилию: но она скрыла свое умиленіе, събезпечно прыгнула на колѣна къ Графу, который все еще сидѣлъ въ сильномъ волненіи, и начала ласкать его со всей женской нѣжностью, такъ что морщины разгладились на чель старика. Замѣтивъ наконецъ, что отецъ ея успокоился, она сказала ему тихимъ голосомъ:

— „Благодарю васъ за ваше позволеніе, любезный батюшка. Вы убрали вашъ кабинетъ, чтобы принять любимую дочь вашу? Вѣрно вы не ожидали, что она будетъ такъ своенравна

и упряма. Но, развѣ такъ трудно выдти за-мужъ за Пера Франціи? Вы сами говорили, что ихъ дѣлають дюжинами. . . О! вы вѣрно не ошказете мнѣ въ вашихъ совѣсахъ.“

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ! и не разъ скажу тебѣ: остерегайся! Подумай, что Перство еще слишкомъ новая пружина въ нашемъ правительствѣ, какъ говаривалъ покойный Король, и что потому Перы еще не могутъ быть богачами. Тѣ, которые имѣютъ большое состояніе, хотяишь увеличить его: ибо богатѣйшій изъ нашихъ Перовъ не получаетъ и половины того дохода, коимъ пользуется послѣдній изъ Лордовъ Верхней Камеры Англійскаго Парламента. И такъ всѣ Перы Франціи безъ исключенія будутъ искать для сыновей своихъ богатыхъ наслѣдницъ, кто бы онѣ ни были; необходимость, въ которой они находятся жениться на деньгахъ, продолжится еще болѣе ста лѣтъ. Впрочемъ очень возможно, что въ ожиданіи счастливаго, столь желаемаго шобою случая — въ ожиданіи, которое можетъ спойшь тебѣ лучшихъ годовъ твоей жизни — твои прелести — (ибо въ нашъ вѣкъ очень много женятся по любви) — твои прелести, говорю я, произведуть чудо. Когда опытность скрывается подъ такой очаровательной наружностью, то можно всего ожидать. Ты же имѣешь даръ распознавать достоинства по большей или меньшей шолщинѣ шѣла. И потому шакую благодарум-

ную дѣвушку, какъ ты, не нужно предупреждать о всѣхъ трудностяхъ подобнаго предпріятія. Это не бездѣлица. Я увѣренъ, что ты въ незнакомомъ тебѣ челоѣкѣ, не будешь предполагать здраваго смысла по одному обольстительному лицу, или добродѣтели, по тому что онъ хорошо сложенъ. Наконецъ я и въ томъ совершенно согласенъ съ тобой, что сыновья Перовъ должны необходимо имѣть имъ однимъ свойственный видъ и отличительное отъ прочихъ людей обращеніе. Теперь, когда состоянія ничѣмъ между собою не различаются, Перы непременно должны имѣть въ себѣ нѣчто особенное, по чему бъ ихъ тотчасъ можно было узнавать. Впрочемъ ты держишь сердце свое на уздѣ, подобно искусному ѣздоку, котораго увѣренъ, что лошадь его никогда не споткнется. И шакъ, дочь моя, желаю тебѣ успѣха!

— „Вы смѣетесь надо мною, батюшка? Такъ я объявляюъ вамъ, что лучше умру въ монашырѣ дѣвицы Конде, нежели откажусь отъ своего намѣренія бытъ женою Пера Франціи.“

Она вырвалась потомъ изъ объятій отца и, гордясь данною ей свободой, вышла напѣвая арію: *caro non dubitare* — изъ *Matrimonio Secreto*.

Въ тотъ же день все сѣмейство собралось къ Графу де Фоншеню по случаю одного домашняго праздника. Во время десерта Гжа Бонневаль, старшая сестра Эмили, заговорила объ одномъ молодомъ, весь-

ствіе закона о вознагражденіи убытковъ, и который по сему имѣлъ право говорить горькія истины своей племянницѣ, которую любилъ безъ ума, чтобы прекратить колкость разговора, воскликнулъ:

— Да перестаньте вы мучить бѣдную Эмилию. Развѣ не видите, что она дожидается совершеннолѣтія Герцога Бордосскаго?

Общій хохотъ привѣтствовалъ шутку старика.

— „Смотри, чтобъ я не вышла за мужъ за тебя, старый дуралей!“ — воскликнула Эмилія, коей послѣднія слова по счастью были заглушены шумомъ.

— Дѣти мои — сказала Графиня де-Фонтень, желая замаять это дерзкое восклицаніе — Эмилія будетъ въ этомъ случаѣ совѣтоваться только съ матерью, такъ какъ вы совѣщывались прежде съ отцемъ.

— „О! Боже мой! я буду слушаться только одной себя въ дѣлѣ, которое до одной меня касается“ — сказала весьма внятно Эмилія.

Взоры всѣхъ обратились на главу сѣмьиства. Каждый, казалось, любопытствовалъ узнать, какъ онъ поддержитъ свое достоинство. Благородный Вандеецъ не только пользовался въ свѣтѣ уваженіемъ; но, будучи счастливецъ многихъ отцевъ, онъ былъ любимъ всѣмъ своимъ сѣмействомъ, коего члены признавали въ немъ неопъемлемыя достоинства, обогатившія всѣхъ его родственниковъ. По-

сему дома онъ окруженъ былъ шѣмъ глубокимъ почтеніемъ, коимъ въ Англійскихъ сѣмействахъ и нѣкоторыхъ аристократическихъ домахъ швердой земли, пользуются представители родословнаго дерева. Послѣдовало глубокое молчаніе и взоры гостей попеременно обращались то на сердитое и надмѣнное лице Емилиі, то на строгія лица Графа и Графини де-Фоншень. — „Я далъ дочери моей Эмилиі совершенную свободу располагать собою.“ — Таковъ былъ отвѣтъ, который произнесъ Графъ глубокимъ и трепещущимъ голосомъ. Всѣ родственники и гости посмотрѣли на Эмилию съ любопытствомъ и вмѣстѣ съ сожалѣніемъ: ибо слова Графа очевидно означали, что родительская нѣжность ушомилась въ борьбѣ съ характеромъ, который, какъ всѣ знали, невозможно было исправить. Зяпья покосились, а братья съ насмѣшливой улыбкой посмотрѣли на женъ своихъ. Съ этой минуты всѣ перестали принимать участіе въ замужствѣ надмѣнной красавицы. Одинъ дядя, въ качествѣ стараго моряка, отваживался еще сцѣпляться съ нею и подвергаться ея капризамъ, не затрудняясь отвѣчать пальбой на пальбу.

Между шѣмъ наступила весна: и когда бюджетъ былъ опредѣленъ, сѣмейство Графа — настоящій образецъ Парламентскихъ фамилій, по ту сторону Калейскаго пролива, которая стоятъ одной ногой во всѣхъ администраці-

яхъ и имѣюшь всегда въ запасѣ десять головъ въ Нижнемъ Парламентѣ, — улестьло, какъ сшая ищицъ, къ прекраснымъ окрестностямъ Онея, Антони и Шатене.

Богатый директоръ податей не задолго предъ тѣмъ купилъ тамъ загородный домъ для жены: ибо онъ жилъ въ Парижѣ только во время засѣданій. Хотя прекрасная Эмилиа презирала разночинцевъ: но это чувство не простиралось до того, чшобъ пренебрегать выгодами богатства, хотя бь оно было удѣломъ и недворянина. И такъ она послѣдовала за сестрою въ роскошную виллу, не столько изъ дружбы къ родственникамъ, которые искали тамъ убѣжища на лѣтнее время, сколько потому, что тамъ хорошаго общества действительно предписываетъ всякой женщиѣ, нежелающей уронить себя, выѣзжать лѣтомъ изъ Парижа.

Зеленая поля окрестностей городка Со совершенно удовлетворяли условіямъ договора, заключеннаго между хорошимъ тономъ и обязанностями общественныхъ должностей.

Весьма сомнительно, чшобъ извѣстность сельскихъ баловъ въ мѣстечкѣ Со распространилась за скромные предѣлы Сенскаго Департамента; и потому неизлишне сообщить здѣсь нѣкошорыя подробности объ этомъ еженедѣльномъ праздникѣ, который по своей важности угрожаетъ со временемъ сдѣлаться законною необходимостію.

Окрестности небольшого городка Со славою своею одолжены мѣстоположенію, которое считается очаровательнымъ. Можетъ быть, оно весьма обыкновенно и извѣстностью своею обязано только глупости Парижскихъ горожанъ, которые вырвавшись изъ кирпичныхъ пропастей, въ коихъ погребены, готовы удивляться всякой пустоши. Но какъ въ поэтическихъ рощахъ Онея и на холмахъ Антони и Фонтене-о-Розъ водворяются художники, бывавшіе въ чужихъ краяхъ, иностранцы, люди весьма прихотливые, и множество дамъ лучшаго общества, не имѣющихъ недостатка во вкусѣ, то должно думать, что Парижане въ этомъ случаѣ не совсѣмъ не правы. Городокъ Со имѣетъ еще и другую прелесть, не менѣе привлекательную для Парижанина. Среди сада, откуда взору представляются обворожительныя виды, находится огромная, открытая со всѣхъ сторонъ ротонда, коей легкой и обширный куполь поддерживается прекрасными колоннами. Подъ эшимъ сельскимъ навѣсомъ находится знаменитая танцевальная зала. Рѣдко случается, чтобъ самыя надмѣнные изъ окрестныхъ помѣщиковъ разъ или два въ мѣсяцъ не посѣщали сихъ чертоговъ сельской Терпсихоры, или блестящими кавалькадами или въ легкихъ щегольскихъ карешахъ, которыя покрываютъ пылью пѣшеходовъ - философовъ. Надежда увидѣть шамъ нѣкоторыхъ дамъ большаго свѣта и обратитъ на себя ихъ вниманіе, надежда рѣже обманываемая встрѣтитъ молодыхъ

крестьянокъ, которыя въ хипрости не уступаютъ даже судьямъ, привлекаетъ шуда многочисленныя толпы адвокатскихъ писарей, учениковъ Эскулапа и молодыхъ людей, коихъ лица сохраняютъ свѣжесть и бѣлизну свою въ прохладной сырости Парижскихъ лавокъ. Не одна свадьба зашѣвалась подъ звуками оркестра, занимающаго средину круглой залы, и еслибы кровля ея имѣла даръ слова, то могла бы отккрыть множество любовныхъ секретовъ. Эша занимательная смѣсь всякой всячины заставляетъ сельскимъ баламъ въ Со отдавать преимущество передъ прочими, бывающими въ окрестностяхъ Парижа, надъ которыми они берутъ рѣшительное преимущество ропондою, мѣстоположеніемъ и прекраснымъ садомъ.

Эмилія первая изъявила желаніе смѣшаться съ народомъ на этомъ сельскомъ праздникѣ. Она надѣялась провести тамъ время весьма пріятно. Въ первый еще разъ въ жизни желала она побродить среди такой сумятицы. Известно, что инкогнито составляетъ одно изъ величайшихъ удовольствій для людей знатныхъ. Эмилія заранѣ представляла себѣ всѣ мѣщанскія ухватки. Ей пріятно было думать, что воспоминаніе очаровательной ея улыбки или нѣжнаго взгляда заронится въ сердце не одного изъ бѣдныхъ разночинцевъ: она уже заранѣ смѣялась надъ жеманными танцовщицами и чинила карандаши для изображенія сценъ, коими намѣревалась обогатить страницы своего альбома.

Воскресенье слишком медленно наступило для ее нетерпѣнія. Общество Бонневальскаго павильона отправилось пѣшкомъ, чтобы не подать повода къ догадкамъ о знатности лицъ, намѣревавшимся удостоить балъ своимъ присутствіемъ. Въ этотъ день отобѣдали ранѣе обыкновеннаго, и къ довершенію удовольствія прекрасный майскій вечеръ благопріятствовалъ сей аристократической прогулкѣ. Эмилиа весьма удивилась, найдя въ ротондѣ нѣсколько кадрилией, въ коихъ участвовало весьма хорошее общество. Она замѣтила тамъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, которые убили цѣлое мѣсячное жалованье на то, чтобы блеснуть одинъ день, и нѣсколько паръ, въ слишкомъ откровенной веселости которыхъ не примѣчалось ни чего супружескаго: но не могла собрать обильной жатвы для своихъ замѣчаній. Она удивилась однако, видя, что удовольствіе, одѣтое въ перкалевое платье, шакъ сходно съ удовольствіемъ, одѣтымъ въ атласъ, и что среднее состояніе также хорошо танцуетъ какъ дворянство, иногда даже лучше. Всѣ большею частью были одѣты просто, но со вкусомъ. Депутаты, представлявшіе въ этой толпѣ ленныхъ владѣтелей окружныхъ земель, то есть, крестьяне, сидѣли вѣжливо въ своемъ кругу. Эмилиа должна была нѣсколько ознакомиться съ различными стихіями, составлявшими сіе собраніе, чтобы найти

въ немъ пищу для насмѣшекъ. Но она не имѣла времени ни предаться лукавымъ словимъ замѣчаніямъ, ни выслушать тѣ недоканчиваемые разговоры, копорые Шарле, Монье и Наблюдатель собирають съ такою жадностью.

Надмѣнная красавица внезапно встрѣтила въ этомъ пространнымъ полѣ цвѣшокъ — (метафора заимствованная отъ времени года!) — цвѣшокъ, коего блескъ и красота подѣйствовали на ея воображеніе со всею прелестію новости. Намъ часто случается смотрѣть на платье, обое или бѣлую бумагу, съ такимъ разсѣяніемъ, что мы съ перваго взгляда не замѣчаемъ какого нибудь пяташка или блестящей точки, копорыя въ послѣдствіи внезапно являються глазамъ нашимъ, какъ будтобы они шолько въ ту минуту образовались, когда мы ихъ увидѣли. Эмилія, посредствомъ подобнаго тому нравственнаго феномена, узнала въ молодомъ человѣкѣ, предшавившемся ея взору, образецъ всѣхъ наружныхъ совершенствъ, о копорыхъ такъ давно мечтала.

Въ эту минуту она сидѣла на одномъ изъ грубыхъ стульевъ, стоявшихъ кругомъ залы, и разсматривала картины, предшавлявшіяся ей въ ротондѣ, какъ на выставкѣ живописи въ Музеѣ, съ дерзостью навѣдя лорнешъ на лица, бывшія отъ ней

въ двухъ шагахъ, и дѣлая объ нихъ свои замѣчанія, точно какъ о художественныхъ произведеніяхъ.

Взоры ея бродили по этому обширному одушевленному полющу и вдругъ пораженны были фигурой, которая казалось съ умысломъ была поставлена въ углу карпины, въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ, какъ лице, выходящее изъ общихъ пропорцій.

Эмилиа удивилась, что такъ долго не замѣчала незнакомца. Онъ былъ высокъ ростомъ и задумчивъ: слегка прислонясь къ одной изъ колоннъ, онъ стоялъ сложа руки и склоня голову, какъ будто живописецъ списывалъ съ него погрешъ. Но въ этомъ благородномъ положеніи не было ни чего высканнаго. Ни одно движеніе не показывало, чтобъ онъ выдалъ лице свое на три четверти и склонилъ голову въ правую сторону, какъ Александръ, Лордъ Байронъ и другіе великіе люди, съ намѣреніемъ обратить на себя вниманіе. Задумчивый и неподвижный взглядъ его, по видимому, слѣдовалъ за одной изъ танцующихъ и показывалъ, что онъ глубоко ею занятъ. Прекрасные черные волосы неприужденно вились на возвышенномъ его челѣ. Въ одной рукѣ держалъ онъ шляпу и небольшой хлыстикъ. Наконецъ незнакомецъ имѣлъ

стройный и гибкій станъ , напоминающій прекрасныя формы Аполлона. Эмилія въ одно мгновеніе ока замѣтила необыкновенную тонину его бѣлья, чистоту замшевыхъ перчатокъ изъ мастерской Валькера, и небольшую ногу, обушую въ щегольской сапогъ изъ самой тонкойкожи. На немъ не было ни одной изъ шѣхъ бездѣлокъ, которыми увѣшиваются спаринные щеголи національной гвардіи или Адонисы купеческихъ конторъ. Одна только черная лента, на которой висѣлъ его лорнетъ, колебалась на жилетѣ неукоризненной бѣлизны. Разборчивой Эмиліи никогда не случалось видѣть глазъ мущины остѣненныхъ столь длинными рѣсницами; ротъ его казалось всегда готовъ былъ улыбаться, но это не было признакомъ расположенія къ веселости. Задумчивость и глубокія страсти отражались на его мужественномъ и смугловатомъ лицѣ.

Самый строгій наблюдатель при видѣ незнакомца не могъ бы усумниться, что это чело­вѣкъ необыкновенный, котораго важныя причины вызвали изъ возвышенной сферы его существованія на этотъ сельской праздникъ. Въ чертахъ его фізіономіи было слишкомъ много значительности; такъ что объ немъ не лзя было просто сказать: это чело­вѣкъ прекрасный, любезный! Онъ принадлежалъ къ числу людей, возбуждающихъ желаніе узнать ихъ короче. Эмилія

на такое множество замѣчаній употребила не болѣе двухъ минутъ, въ теченіе коихъ сей привилегированный смертный подвергся строгому анализу, послѣ коего сдѣлался уже предметомъ тайнаго, безмолвнаго удивленія. Ей не пришло и на мысль, что онъ долженъ быть Перомъ Франціи! Нѣтъ, она только подумала: „ахъ! если онъ благороднаго происхожденія... я въ томъ увѣрена!“ . Она не докончила этой мысли, поспѣшно встала, пошла въ сопровожденіи брата къ колоннѣ, у которой стоялъ незнакомецъ, и казалось съ необыкновеннымъ вниманіемъ смотрѣла на веселыя кадрили; но посредствомъ оптическою хитрости, известной многимъ дѣтямъ, не теряла ни одного движенія молодаго челоуѣка. Когда она поровнялась съ нимъ, то онъ вѣжливо удалился, какъбы для того, чтобы уступить имъ свое мѣсто, и прислонился къ другой ближней колоннѣ.

Своейравная Эмилиа оскорбилась вѣжливостью незнакомца, и въ досадѣ начала разговаривать съ братомъ гораздо громче, нежели сколько позволялъ тонъ хорошаго общесства; она повертывала головою во всѣ стороны, дѣлала разныя граціозныя тѣлодвиженія и смѣялась почти безъ всякой причины, не столько для того, чтобы развеселить брата, сколько для того, чтобы привлечь вниманіе хладнокровнаго незнакомца.

Но ни одна изъ сихъ хитростей не удавалась. Тогда Эмилія, слѣдуя глазами за направленіемъ взоровъ молодаго челоуѣка, открыла причину сей мнимой безопасности. Въ срединѣ кадрили танцовала молодая дѣвушка, прекрасная, блѣдная, подобная Шотландскимъ божествамъ, изображеннымъ Жироде въ огромной картинѣ *принятія Оссианомъ Французскихъ воиновъ*. Эмиліи показалось, что это молодая Англійская Виконтесса, которая недавно поселилась въ одной изъ сосѣдственныхъ деревень. Съ ней танцовалъ юноша лѣтъ пятнадцати, съ красными руками, въ нанковыхъ панталонахъ, въ голубомъ фракѣ, въ бѣлыхъ башмакахъ. Не трудно было замѣтить, что она была охотница до танцовъ, и потому не прихотлива въ выборѣ кавалеровъ. Движенія ея не ошзывались наружной слабостью, но легкой румянецъ игралъ на блѣдныхъ ея щекахъ — лице мало помалу разгаралось. Эмилія подошла къ кадрили, чтобъ разсмотрѣть незнакомку, когда она воротившись на свое мѣсто, и стоящія напрошивъ пары начнутъ повторять оконченную ею фигуру.

Едва только начала она всматриваться, какъ незнакомецъ подошелъ къ мловидной танцовщицѣ, наклонился къ ней, и Эмилія услышала явственно сіи слова, сказа-

ныя повелительнымъ и вѣстѣмъ крошкѣмъ голосомъ :

— „Клара, я не хочу, чтобы ты болѣе танцевала“.

На лицѣ Клары изобразилась маленькая досада, но она наклонила голову въ знакъ покорности и наконецъ улыбнулась.

Когда кадрили кончилась, молодой человекъ со всею предосторожностью любовника накинулъ шаль на плеча незнакомки и посадилъ ее такъ, чтобы не могъ подушь на нее въперъ. Но скоро они снова встали и пошли ходить вокругъ залы, какъ будто собираясь уѣхать.

Любопытная Эмилиа нашла средство слѣдовать за ними, подъ предлогомъ осмотрѣть мѣстоположеніе сада, и братъ ея съ лукавымъ добродушіемъ согласился быть проводникомъ ея. Она видѣла, какъ незнакомцы сѣли въ щегольской шильбюри, при которомъ находился лакей верхомъ и въ ливрѣ. Въ ту минуту, какъ молодой человекъ сѣлъ и спарался уравнивать возжи, онъ бросилъ на Эмилию одинъ изъ тѣхъ взоровъ, кои обыкновенно безцѣли бросающя на большія толпы; но она не безъ удовольствія замѣтила, что онъ послѣ два раза обернулся назадъ. Тоже сдѣлала и незнакомка, можетъ быть, изъ ревности.

— Я думаю, что нынѣшнѣе наглядѣлась на садъ — сказалъ ей братъ — и что мы можемъ возвратиться въ танцевальную залу.

— „Охотно“ — отвѣчала она, „Бьюсь объ закладъ, что это Виконтесса Абергавенней. . . Я узнала ее ливрею.“ —

На другой день Эмилиа изъявила желаніе прогуливаться верхомъ. Мало помалу она пріучила стараго дядю и братьевъ соупствовать ей въ утреннихъ прогулкахъ, весьма полезныхъ, какъ говорила она, для ея здоровья. Она особенно любила посѣщать деревеньку, гдѣ жила Виконтесса; но не смотря на кавалерійскія свои маневры, не такъ скоро нашла незнакомца, какъ могла надѣяться отъ щцательныхъ своихъ поисковъ. Нѣсколько разъ посѣщала она сельскіе балы въ Со, но никогда не встрѣчала тамъ молодаго человѣка, который явился такъ внезапно, чтобъ овладѣть ея мечтами и украсить ихъ.

Хотя ни что такъ не подстрекаетъ рождающейся любви молодой дѣвушки, какъ пріятствія: были однако минуты, въ которыя она готова была оставить тайные свои поиски, ибо почти отчаявалась въ успѣхъ предпріянія, коего странность можетъ дать понятіе о смѣлости ея характера. И дѣйствительно, она могла бы весьма долго кружить около деревеньки Шатене, не встрѣшивъ своего незнакомца; ибо Клара, какъ шотъ называлъ свою спутницу, не была ни Виконтесса ни Англичанка, и ни она, ни незнакомецъ не об-

пали въ зеленыхъ и благоухающихъ рощахъ Шатене.

Однажды вечеромъ Эмилія, выѣхавши верхомъ въ сопровожденіи дяди, которому подагра давала во время прекрасной погоды довольно продолжительную передышку, встрѣтила коляску Виконтессы. Это была именно Англичанка. Съ ней сидѣлъ скромный, щегольски одѣтый джентельменъ, коего румянецъ и свѣжесть, достойныя молодой дѣвушки, также мало показывали чистоту сердца, какъ мало блестящій туалетъ бываетъ признакомъ богатства.

Увы! въ чертахъ незнакомцевъ не было ни чего, похожего на обворожительные поршреты, кои любовь и ревность запечатали въ памяти Эмиліи. Она потчасъ съ досадою поворотила лошадь, какъ женщина, обманушая въ своемъ ожиданіи. Дядя съ трудомъ могъ за нею слѣдовать; съ такой быстротой скакала она на небольшой своей лошади. — „Вѣрно я ужъ слишкомъ устарѣлъ, чтобъ понимать двадцатилѣтнихъ дѣвушекъ“ — подумалъ морякъ, пустивъ лошадь свою въ галопъ — „или можетъ быть нынѣшняя молодежь не похожа на прежнюю? — Я однако прежде былъ легокъ на ходу и всегда умѣлъ хорошо пользоваться въпромъ. — Но, что сдѣлалось съ моей племянницей? Она вдругъ поѣхала шагомъ, какъ жандармъ, который ночью объѣзжаетъ дозоромъ Парижскія улицы? — Подумаешь,

что она хочешь сдѣлать нападеніе на этого бѣднаго пѣшехода, вѣроятно какого-нибудь поэта, мечтающаго о своихъ стихотвореніяхъ, ибо у него въ рукъ книга. Клянусь честью! Какой же я дуракъ! Да это можешь быть тошъ молодой человекъ, котораго мы ищемъ.“

Старый морякъ пустилъ лошадь шагомъ по песку, чтобы безъ шума подѣхать къ племянницѣ. Эшотъ обѣщавый мотылекъ слишкомъ много порхалъ въ семидесятихъ годахъ — въ ту блаженную эпоху нашей исторіи, когда водокишество было въ такой чести — и потому тотчасъ отгадалъ, что Эмилиа, вовсе неожиданно встрѣтила своего незнакомца. Хотя старость опукала уже завѣсу на орые глаза Графа Кергаруэ, но онъ умѣлъ замѣтить въ племянницѣ слѣды необыкновеннаго волненія, не взирая на неподвижность, которую она старалась дать своему лицу. Проницательный взоръ Эмилии съ какимъ-то оцѣненіемъ былъ прикованъ къ незнакомцу, который спокойно шелъ впереди ея.

— „Такъ точно!“ — подумалъ морякъ — , она будетъ слѣдовать за нимъ, какъ купеческій корабль за корсеромъ, котораго бѣдился. А потомъ, когда онъ скроется изъ глазъ ея, придетъ въ отчаяніе, что не знаетъ кого любить: Маркиза или разночинца. Этимъ молодымъ годамъ изъ пре-

двосторонности всегда должно имѣть при себѣ стараго воробья, какъ меня.“ . . .

Онъ пришипорилъ потомъ свою лошадь и проскакавъ между Эмилии и молодаго пѣшехода, такъ близко наѣхалъ на послѣдняго, что тотъ принужденъ былъ броситься на дерновый валъ, которымъ обведена была дорога. Графъ тотчасъ остановилъ свою лошадь и съ гнѣвомъ воскликнулъ.

— Развѣ вы не могли посторониться?

— „Ахъ! сударь, виновашъ“ — отвѣчалъ незнакомецъ. „Я забылъ, что мнѣ должно просить у васъ извиненія въ томъ, что вы меня толкнули.“

— Э! э! пріятель — возразилъ морякъ насмѣшливымъ голосомъ, къ коему примѣшивалось нѣчто оскорбительное. — Я старый тюлень, который теперь на мѣли — не забывайтесь со мной. Чортъ возьми! у меня рука очень не легка! . . .

И въ то же время онъ насмѣшливо поднял хлыстикъ, какъ бы для того, чтобы ударить лошадь, но допронулся имъ до плеча своего собесѣдника.

— Будь же помирнѣе, молокососъ . . . Молодой человекъ; раздраженный дерзостію Графа, вышелъ опять на дорогу, Онъ сложилъ руки и отвѣчалъ пронутымъ голосомъ:

— „Государь мой, видя ваши сѣдины, я не могу думать, чтобы вы еще искали дуелей.“ . . .

— Съдины! . . прервалъ морякъ — ты солгалъ, у меня волосы только съ просьдю. Если я волочился за вашими бабушками, то тѣмъ лучше буду умѣть волочиться за вашими женами, когда онѣ того стоятъ. . .

Такимъ образомъ начавшаяся ссора до того разгорѣлась, что молодой человекъ забылъ хладнокровіе, которое до тѣхъ поръ спасалъ его; и въ то время, какъ Эмилиа, со всеми признаками живѣйшаго безпокойства подѣхала къ Графу, сей послѣдній назначалъ уже своему противнику мѣсто и время, сказавъ, чтобы онъ хранилъ молчаніе въ присутствіи молодой дѣвушки, вѣренной его пообещаніямъ.

Незнакомецъ улыбнулся и отдалъ старому моряку карточку, сказавъ ему, что это Парижской его адресъ, но, что онъ проводитъ льшо на дачѣ близъ Шеврѣза; потомъ, объяснивъ ему въ короткихъ словахъ мѣсто своего жительства, поспѣшно удалился.

— Племянница! ты едва не задавила этого бѣдняка — сказала Графъ, поспѣшивъ на встрѣчу Эмилии. — Развѣ ты разучилась править лошадью? . . . Ты заставляешь меня подвергаться непріятностямъ, чтобы прикрывать твои шалости, между тѣмъ какъ одинъ взглядъ твой, одно вѣжливое слово могли бы окончить ссору, хотя бы ты даже вышибла ему руку.

— „Помилуйте, любезный дядюшка! причиною шому ваша лошадь, а не моя. Я право думаю, что вамъ ужъ больше не лзя ѣздить верхомъ; вы не такъ хорошо ѣздите, какъ прошлаго года. Но вмѣсто шого, чтобъ говорить вздоръ.“ . . .

— Чортъ возьми! какъ вздоръ! Развѣ дурь прошивъ своего дяди вздоръ?

— „Намъ бы должно узнать, не ушибся ли эшотъ молодой человекъ! Онъ кромаешъ, дядюшка, да посмотрише же.“ . . .

— Нѣтъ, онъ бѣжитъ! О! я его порядочно проучилъ;

— „Ахъ! дядюшка, это на васъ похоже!“

— Полно, племянница—сказаль Графъ—остановивъ за узду лошадь Емилиі. — Я не вижу надобности вышягиваться предъ какимъ нибудь лавочникомъ, который долженъ почиташъ за честь, что его сшибли съ ногъ такіе люди какъ мы съ тобой? —

— „А почему вы думаете, что онъ не дворянинъ? Мнѣ кажется, что у него очень благородная наружность.“ . . .

— Наружность шеперь имѣють всѣ, любезная Емилиа,

— Нѣтъ, дядюшка! не всѣ имѣють ловкость и обращеніе, приобретаемая привычкой жить въ большомъ свѣтѣ; я гошова биться съ вами объ закладъ, что эшотъ молодой человекъ благороднаго происхожденія.“

— Ты почти не имѣла времени разглядѣть его?...

— „Но, я его уже не въ первый разъ вижу“...

— Да и не въ первый разъ ищешь ... возразилъ съ усмѣшкою Графъ. Эмилія покраснѣла; и дядя позабавившись нѣсколько минутъ ея замѣшательствомъ, наконецъ сѣздалъ ей:

— Эмилія, ты знаешь, что я люблю тебя, какъ дочь; потому именно, что въ тебѣ одной вижу еще ту благородную гордость, которую даетъ знатное происхожденіе. Чортъ возьми! кто бы могъ предвидѣть, что хорошія правила сдѣлаются шакъ рѣдки! И такъ я хочу быть твоимъ повѣреннымъ, ибо вижу, что ты равнодушна къ этому молодому дворянину! Но — никому ни слова! Всѣ твои родные стали бы надъ нами смѣяться, еслибы мы пустились въ море подъ ложнымъ флагомъ. Ты знаешь, что это значитъ? И такъ, племянница, я буду тебѣ помогать. Сохранимъ шайну между нами — и я обѣщаю тебѣ, заманишь этотъ бригъ подъ твоя перекрестный огонь, въ самую средину нашей гостинной.

— „А когда дядюшка?..."

— Завтра же...

— „Но я ни за что не отвѣчаю?..."

— Ни за что! Ты можешь бомбардировать его, зажечь и цошомъ бросить какъ

старый никуда негодный корабль; если это тебѣ нравится! Вѣдь это не первый — не правда ли?

— „Какъ вы добры, дядюшка.“ ..

Графъ возвратившись домой, потчасъ надѣлъ очки, украдкою вынулъ изъ кармана карточку и прочелъ: „Г. Максимилианъ Лонгвиль, въ улицѣ Сантье.“

— Будь спокойна, любезная племянница — сказалъ онъ Эмили — ты безъ угрызенія совѣсти можешь закидывать съпи; онъ принадлежитъ къ одной изъ историческихъ нашихъ фамилій, и если еще не Перъ Франціи, то вѣрно будешь. . . .

— „Почему вы это знаете?“

— Это моя шайна. . .

— „Такъ вамъ извѣстно его имя?“... Графъ въ безмолвіи кивнулъ съдой головой своей, походившей на старый дубовый пенъ, вокругъ коего шевелятся еще остатки листьевъ, занесенныхъ осеннимъ вѣтромъ.

Тогда Эмилиа рѣшилась употребить все свое кокетство. Опытная въ искусствѣ обольщать стараго моряка, она осыпала его дѣтскими ласками, нѣжнѣйшими выраженіями, и даже рѣшилась поцѣловать его, чтобъ вывѣдать столь важную для ней шайну. Старикъ, который всю жизнь свою заставлялъ Эмилию играть подобныя сцены и платилъ за нихъ весьма часто нарядомъ или ложей въ Италіан-

скомъ спектаклѣ, на этотъ разъ захопѣлъ, чтобы она его попросила и помаскала подолбе. Но какъ онъ слишкомъ уже длилъ это удовольствіе, то Эмилиа разсердилась, отъ ласки перешла къ насмѣшкамъ и надула губы. Мучимая однако любопытствомъ, снова приласкалась къ старику: и нашъ дипломатъ взявъ наконецъ съ племянницы торжественное обѣщаніе быть впередъ осторожнѣе, добрѣе, скромнѣе, тратить меньше денегъ и особенно все повѣрять ему. Договоръ былъ заключенъ и скрѣпленъ поцѣлуемъ, который морякъ напечатлѣлъ на бѣломъ челѣ Эмилиа; послѣ чего отвелъ ее въ уголъ, посадилъ къ себѣ на колѣна, и, взявъ карточку промежъ пальцевъ, открылъ буква за буквою имя: *Лонгвилъ*, и потомъ, рѣшительно отказавшись показать остальное, спряталъ карточку.

Это происшествіе дало новую жизнь сокровенному чувству Эмилиа. Она почти всю ночь рисовала въ воображеніи своемъ блистательныя картины мечтаній, коими питала свои надежды. Благодаря сему столь давно вожелѣнному случаю, наконецъ нашла она болѣе, нежели одно воображаемое существо, чтобы создать для себя источникъ тѣхъ мечтательныхъ благъ, коими любила надѣлать свою будущность. Подобно всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, она не знала опасности любви и суиружества, и присп्राстилась къ обманчивой ихъ наружности. Чувство это ро-

дилось въ ней, какъ раждаются всѣ прихоти юности, сладостный и жестокія заблужденія, имѣющія столь пагубное вліяніе на тѣхъ, которые, по неопытности, на себя однихъ принимающъ попеченіе о будущемъ своемъ счастіи.

На другой день поутру, когда Эмилія еще спала, дядя уже поскакалъ въ Шеврѣзъ. Увидя на дворѣ одного прекраснаго навильона молодаго человѣка, котораго онъ наканунѣ такъ рѣшительно оскорбилъ, Графъ подошелъ къ нему съ дружескою вѣжливостью стариннаго придворнаго. — „Э! Г. де Лонгвиль — кто бы подумалъ, что я въ семьдесятъ три года поспорю съ сыномъ или внукомъ одного изъ лучшихъ друзей моихъ!.. Я контр-адмиралъ — государь мой — это значитъ, что стрѣляться для меня тоже самое, что выкурить Гаванскую сигарку. . . Въ мое время это служило забавой, и двое молодыхъ людей не могли сдѣлаться друзьями, не пустивъ другъ другу крови. — Но, чортъ возьми, вчера, какъ морякъ, я слишкомъ уже нагрузился ромомъ и опрокинулся на васъ. . . Вашу руку? — Скорѣй соглашусь я перенести отъ потомка Лонгвилей сто ударовъ хлыстомъ, чѣмъ сдѣлать малѣйшее оскорбленіе его сѣмейству.“

Молодой человѣкъ, какъ ни старался съ холодностію принять привѣтствіе Графа Кер-

гаруэ, не могъ долго сопротивляться добродушному и откровенному его обхожденію и пожалъ ему пощась руку. Тогда Графъ прибавилъ :

— Вы только что хотѣли садиться на лошадь? Такъ поѣдемъ-ше вмѣстѣ — и если вы не имѣете другихъ намѣреній, то я приглашаю васъ сегодня обѣдать въ Бонневальскій павильонъ. Тамъ будешь племянникъ мой, Графъ де Фоншень : вамъ непременно надобно съ нимъ познакомиться! Да — чорпъ возьми — въ вознагражденіе за мою грубость я хочу представить васъ пяти прекраснѣйшимъ женщинамъ изъ всего Парижа. Ге, ге! . . . молодой человѣкъ, вы уже не такъ сердито смотрите! . . . Я люблю молодыхъ людей! . . . люблю видѣть ихъ счастливыми. Это напоминаетъ мнѣ благословенное время 1771, 1772 и слѣдующихъ годовъ, когда не было недостатка ни въ любовныхъ приключеніяхъ, ни въ дуэляхъ! . . . Тогда весело жили! . . . Теперь вы обо всемъ разсуждаете и обо всемъ хлопчете, какъ будто бѣ не было ни XV го, ни XVI го вѣка! . . .

— „Но мы кажется правы, ибо XVIое столѣтіе доставило Европѣ одну религіозную свободу, между тѣмъ какъ XIXое.“ . .

— Оставимъ разговоръ о политикѣ. . . Я, изволите видѣть, ульшра : но не мѣшаю молодымъ людямъ быть революціонерами, лишь бы только они оставили мнѣ свободу запле-

пашь черною леншою маленькой пучекъ мой à la Frédéric.

Когда Графъ и молодой соупникъ его доѣхали до середины лѣса, то морякъ, завидя довольно тонкую березу, остановиль лошадь, взявъ одинъ изъ пистолетовъ и, въ пятнадцати шагахъ разстоянія, всадиль пулю въ самую средину дерева.

— „Видите ли шеперь, что я не боюсь дуэли!“ сказалъ онъ съ комическою важностью, взглянувъ на Г. Лонгвиля.

— И я также — возразиль послѣдній, и зарядивъ поспѣшно свой пистолетъ, прицѣлился въ то мѣсто, куда попала пуля Графа, и не далъ промаха.

— „Вотъ что называется отлично воспитанный молодой человекъ!“ . . воскликнулъ въ восхищеніи морякъ.

Въ продолженіе своей прогулки съ шѣмъ, котораго онъ почиталъ уже своимъ племянникомъ, Графъ нашелъ тысячу случаевъ спросить его о разныхъ бездѣлкахъ, конхъ основательное познаніе составляло, по его кодексу, совершеннаго дворянина.

„Есть ли у васъ долги?“ сказалъ онъ наконецъ своему товарищу послѣ многихъ вопросовъ.

— Нѣтъ, сударь.

— „Какъ! вы все покушаете на чистыя деньги?“

— Безъ сомнѣнія, сударь, иначе мы поперяли бы довѣренность и всякое уваженіе.

— „Но, по крайней мѣрѣ, у васъ нѣсколь-
ко любовницъ. . . А! вы краснѣете! . . . Чортъ
возьми! какъ нравы перемѣнились! Съ этими
понятіями о законномъ порядкѣ, Каншизмъ и
свободѣ, молодежь совершенно избаловалась.
У васъ нѣтъ ни Гимара, ни Дюте, ни за-
модавцевъ, и вы не знаете геральдики; это зна-
читъ, любезный другъ, что вы не воспитаны! . .
Знайте, что тошъ, кто не шалилъ въ мо-
лодости, шалилъ въ старости. . . Да, чортъ
возьми, если у меня въ семьдесятъ лѣтъ
80,000 ливровъ дохода — такъ это опъ того,
что я въ тридцать лѣтъ убилъ вдвое болѣе.
Не смотря на шо, ваши недостатки не по-
мѣшаютъ мнѣ представить васъ въ Бонне-
вальскомъ павильонѣ. Вы обѣщали мнѣ прі-
ѣхать и я васъ тамъ дожидаюсь.

— Какой странной старикашка! подумалъ Лонгвиль: съдъ какъ лунь, и свѣжъ не по лѣтамъ. Но не смотря на его простодушіе, я не очень довѣряю ему. Не мѣшаетъ съѣздить въ Бонневальскій павильонъ, потому что тамъ, говорятъ, есть прекрасныя женщины: но надобно сойти съ ума, чтобъ оспался тамъ обѣдать! . .

На другой день, около четырехъ часовъ, когда все общество Бонневальскаго павильона разсыяно было по гостиной и билліардной, слуга превозгласилъ громко: „Господинъ де Лонгвиль!“

(окончаніе слѣдуетъ).

IV

ПРЕСТУПНИЦЪ.

Зачѣмъ меня, въ минушы наслажденья,
 Порой мершвишь твой хладный, ирачный взоръ?
 Зачѣмъ среди воспорговъ упоенья
 Ты шепчешь мнѣ таинственный укоръ?

Зачѣмъ, когда на грудь твою склоненный,
 Я радость пью на розовыхъ устахъ,
 Ты на меня бросаешь взоръ смущенный,
 Съ могильной блѣдностью, съ поскою въ
 чертахъ?

Зачѣмъ всегда, въ мяшежномъ сновидѣннй,
 Ты слезы льешь; трепещешь и дрожишь?
 Зачѣмъ порой о клятвопреступленнй,
 Ты въ грезахъ тягостныхъ невнятно говоришь?

Повѣрь же мнѣ ту шайну роковую,
 Грудь облегчи признаніемъ, мой другъ,
 Я раздѣлю твою поску нѣмую,
 Моя любовь швой изцѣлишь недугъ!

* * *

V.

НАПОЛЕОНЪ,

ИЛИ

ТРИДЦАТЬ ЛЕТЪ ФРАНЦІИ а).

ИСТОРИЧЕСКО - ДРАМАТИЧЕСКАЯ КАРТИНА, АЛ. ДЮМА.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ТУЛОНЪ — 1793.

Внутренность укрѣпленія. Сквозь амбразуры, уславленныя пушками, видѣнь Тулонъ. Во глубинѣ сценъ цѣль горъ, съ крѣпостями: Ларшигъ, Св. Антонія и Фаронъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Солдаты дежашь на землѣ. При поднятіи занавѣса, Лотарингскій рекрутъ смѣляеть часоваго.

Рекрутъ. Какая сдача?

Часовой. Ни кого не пропускашь черезъ укрѣпленія, обращаешь вниманіе на дорогу изъ Тулона въ Марсель.

- а) Изъ всѣхъ отраслей свободы, насильно присвоенной Парижанами въ Іюль мѣсяцъ истекшаго года, одна только не принесла пока горькихъ плодовъ, но непосредственно служить для нихъ богатымъ источникомъ наслажденій, именно, свобода сценическая и уничтоженіе драматической цензуры. Извѣстно, что въ слѣдствіе сей свободы, вмѣстѣ съ другими политическими лицами, явилось на сценѣ множество Наполеоновъ, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ. Въ

Рекрутъ. Пароль?

Часовой. Тулонъ и свобода.

Рекрутъ. Хорошо! (спущенный съ часовъ удалляется). Эй, послушай-ка — (часовой возвращается) — какъ бишь?

первый разъ еще въ исторіи новѣйшихъ временъ встрѣчаемъ мы примѣръ искусственнаго представленія великой всемірной драмы, только что кончившейся, предъ глазами зрителей, по большой части современныхъ. Впервые еще герой, коего большая часть живущаго шеперь поколѣнія преслѣдуетъ личною любовію или ненавистію, бесѣдуетъ, какъ драматическое лице, съ родителеми, съ дѣтьми своихъ вояновъ и съ самими воинами. Уже по одному этому; произведенія Французской литературы любопытны и достойны вниманія, каково бы ни было ихъ поэтическое достоинство.

Имѣя предъ глазами одно изъ сихъ произведеній наиболѣе имѣвшее успѣха, мы сообщаемъ здѣсь нашимъ читателямъ отрывки изъ него, какъ слабые впрочемъ очерки картины, восхищавшей жителей Парижа: ибо само собою разумѣется, что въ сей пѣсѣ, хотя написанной весьма искуснымъ перомъ, главный эффектъ производятъ декорации, костюмы и сраженія. Полагаемъ однако, что отрывки сіи доставятъ нѣкоторое удовольствіе читателямъ. Кто носитъ въ сердцѣ ликъ Наполеона, какъ героя, тотъ будетъ наслаждаться безъ крикики; кого не удовольствуютъ — чудный, гошическій стиль великаго мужа, странныя исполкованія, кошорья дающія обольстительному имени свободы, и весь арсеналъ Французской риторики — тотъ прочтешъ ихъ, какъ пародію, и посмѣется; кому жъ по какимъ бы шо ни было причинамъ, не по

Часовой. Тулонъ и свобода!

Рекрутъ. И всякаго, кто будетъ отвѣчать этими словами, пропускашь?

Часовой. Пропускашь.

Рекрутъ. Хорошо, хорошо! (Ходя взадъ и впередъ, безпрестанно повшордешъ): Тулонъ и свобода! Тулонъ и свобода! Такъ кажется! (въ полголоса напѣваетъ Марсельскую пѣсню).

Жюно (вставъ при первомъ куплетѣ Лотарингца, идешъ за нимъ, и въ шу мянушу, какъ сей послѣдній оборачивается). Эй, гражданинъ, какъ свое имя?

Рекрутъ. Лотарингецъ, пошому что я изъ Лотарингіи.

Жюно. Очень хорошо, гражданинъ Лотарингецъ! послѣ смѣны ты долженъ идти подъ арешъ!

Рекрутъ. А зачѣмъ?

сердцу преждебывшій артиллерійскій поручикъ и его маршалы, такъ проворно обмѣнявшіе солдатскіе ремни на орденскія ленты — тотъ порадуешся, види, что рѣчь идешъ о минувшемъ, которое никогда не ворошится. Но особенное удовольствіе ожидаетъ тѣхъ, кои захотятъ сравнить Наполеона Французскаго театра съ историческо-драматическими понятіями о немъ Германцевъ и Англичанъ: впрочемъ, если кто понадеется при томъ, что нѣкогда Шекспиръ Французской романтической школы образуешь изъ сихъ эфемерныхъ паровъ драгоценный кристалль полной Наполеоновой драмы, тотъ будетъ надѣяться того, чего пока еще ожидать не лзя и что щеперь совершенно невозможно. М. В.

Жюно. Затѣмъ, что подь ружьемъ не поюшь.

Рекрутъ. Слушаю. Впередь буду помнишь. Надобно однако признаться, что сержантъ мой славный малой: вѣдь онъ могъ бы меня послать въ шюрьму. Ну — а это куда еще не шло. . .

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бонапарте (входя, говоритъ Жюно). Ты прислалъ мнѣ сказать, что артиллеристы не хотятъ служить на моей батарее?

Жюно. Мюльгравская крѣпость не далѣе ста двадцати сажень, а въ послѣднемъ штурмѣ изъ осьмидесяти артиллеристовъ убито семдесятъ. (Пушечное ядро срываетъ съ дерева нѣсколько вѣшвей, которые падаютъ къ ногамъ Бонапарте). Э! э! да они стрѣляютъ какъ будто въ мишень!

Бонапарте. Тыбъ пригласилъ охотниковъ.

Жюно. Приглашалъ, да никто не хочетъ.

Бонапарте. Такъ-то? Сержантъ! напиши на этой бумагѣ крупными буквами: *батарея безстрашныхъ!* (Пушечное ядро, ударивъ въ брусъ, осыпаетъ пескомъ пишущаго сержанца).

Жюно (отряхая бумагу). Ага, теперь не нужно песка для засыпки!

Бонапарте. Какъ свое имя?

Жюно. Жюно.

Бонапарте. Я не забуду.

Рекрутъ. Кто идетъ?

Жюно. Развѣ не видишь, глупецъ? Генерал-Аншефъ съ Представителями Народа.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Бонапарте (*Жюно*). Повѣсь эту бумагу здѣсь, передъ башареей; теперъ въ каждомъ родилися охота.

Карто. Гражданинъ начальникъ! Мы получили изъ Парижа планъ ашаки, и пришли сообщить его тебѣ.

Бонапарте. А кто его составлялъ?

Карто. Знаменитый Генераль д'Арсонъ.

Бонапарте. Который, можетъ быть, съ роду не видалъ Тулона. Это уже пятый, который получаю изъ Парижа; и послѣдній изъ моихъ канонеровъ поспыдился бѣ признать своимъ лучшей изъ нихъ... однако посмотримъ.

Карто (*читаетъ*) „Генераль Карто долженъ овладѣть всѣми пунктами, занимаемыми непріятелемъ на швердой землѣ, совершенно предоставивъ имъ берегъ моря.

Во чтобъ ни спало, онъ долженъ взять крѣпости Фаронъ, Свят. Аншонія, Лартигъ, Св. Екашерини и Ламальгъ.

Овладевъ означенными крѣпостями, имѣешь онъ немедленно приступить къ бомбардированію города.“

Бонапарте. А многоли войска шлютъ намъ въ подкрѣпленіе, для исполненія эшого плана?

Карто. Ни одного человѣка. Мы должны довольствоваться тѣмъ, что имѣемъ.

Бонапарте. Для этого мало семидесяти тысячъ, а у насъ и съ подкрѣпленіемъ, прибывшимъ изъ Ліонской арміи, едва наберется тридцать.

Фреронъ. Приказанія Комитета должны быть выполнены; иначе, гражданинъ начальникъ, ты заплашишь головою!

Бонапарте (схвативъ Фрерона за руку). Гражданинъ представитель! видишь ли тамъ эту крѣпость, влѣпленную въ горы, подобно орлиному гнѣзду? Это Фаронъ, взять который приказываетъ намъ твой Парижскій Комитетъ. Если хочешь, чтобъ я выполнилъ это повелѣніе, по пришли мнѣ солдатъ съ крыльями, и птицу грифа, на которую я могъ бы сѣсть верхомъ, чтобъ добраться до крѣпости.

Гаспаринъ. Ну, такъ возьмемъ одинъ Ламальгъ!

Бонапарте. Хорошо. Но чтобъ дойти туда, ты долженъ провести свои тридцать тысячъ между огнями четырехъ крѣпостей и укрѣпленнаго Тулонскаго лагеря, и потомъ, оставивъ тамъ половину своихъ людей, идти на крѣпость устроенную Вобаномъ; подобно звѣздѣ, съ углами прошивъ угловъ, защищаемую шестьюдесятью орудіями и прехъ-тысячнымъ гарнизономъ. (Садится на пушку). Сумасброды!

Карто (Бонапарте). Гражданинъ начальникъ, открывалъ ли ты огонь съ ба-

старей своей изъ четырехъ гаубиць по пороховому магазину?

Бонапарте. Да — изъ двадцати выстрѣловъ семнадцать ударили въ цѣль.

Карто. И чтоже?

Бонапарте. Все безъ пользы.

Карто. Такъ продолжать?

Бонапарте. Напрасный трудъ!

Карто. Почемужъ?

Бонапарте. Порохъ перенесенъ въ городъ.

Фреронъ. Ну стрѣлять въ городъ; и воспользовавшись взрывомъ магазина, гдѣ сложенъ порохъ, повести атаку,

Бонапарте. Прекрасно: но кпоже скажешь мнѣ, въ которомъ изъ восьми сотъ Тулонскихъ домовъ онъ именно лежитъ?

Фреронъ. Жечь всѣ, безъ разбора!

Бонапарте. Мнѣ ли, Корсиканцу, напоминать тебѣ, что Тулонъ принадлежишь Франціи?

Салиетти. Что нужды! Тюрень сжегъ же Пфальць!

Бонапарте. Это было необходимо для его плана. Но мы учинимъ бесполезное злодѣяніе.

Фреронъ. Э! э! да ты полно не аристократъ ли? (Бонапарте пожимаетъ плечами). Гражданинъ Карто, надобно кончить! Ты поведешь приступъ къ городу, какъ слѣдуетъ; шолько помни: или онъ будетъ взятъ черезъ восемь дней, или въ девятый я отправляю тебя въ Парижъ, какъ челоѣка подозрительнаго; а въ пятнадцатый — ты понимаешь?

Карто. Хорошо; я послѣдую плану Комишеша. Завтра будетъ общій приступъ.

Бонапарте. Ты погибнешь и погубишь армию.

Карто. Да чтожъ мнѣ дѣлать?

Бонапарте (вскочивъ и указывая на своей каршѣ). Вошъ гдѣ Тулонъ!

Карто. Здѣсь! Совсѣмъ нѣтъ! Это рейда! Тулонъ не шуть! (Въ сторону). Онъ принимаетъ Малый Гибралтаръ за Тулонъ!

Бонапарте (съ жаромъ). Вошъ гдѣ Тулонъ, говорю вамъ! Если сегодня возьмемъ мы эту крѣпость, то завтра или много послѣзавтра вступимъ въ городъ побѣдителями.

Саликетти. Но она защищена лучше другихъ крѣпостей.

Бонапарте. Слѣдственно и важнѣе прочихъ.

Гаспаринъ. Самъ Камендантъ призналъ невозможность взять ее и сказалъ, что „если мы овладѣемъ ею, то онъ пойдетъ въ Якобинцы!“

Бонапарте. Препоручите мнѣ атаку, и черезъ двѣнадцать часовъ я нахлобучу ему своей собственной рукой Якобинскій колпакъ на уши.

Саликетти. Но крѣпость будетъ стоить намъ тысячъ десять человѣкъ.

Бонапарте. Десять, двадцать, все равно: лишь бы осталось у меня тысячи три для гарнизона.

Фреронъ. Каковъ филантропъ? Сжечь восемьсотъ домовъ ему жаль, а до десяти тысячъ человекъ нужды нѣтъ!

Бонапарте (удаляясь). Глупецъ!

Карто. И шакъ, гражданинъ начальникъ, ты готовъ громишь городъ?

Бонапарте. Отсюда?

Карто. Да... Въ это время...

Бонапарте. На разстояніи двухъ выстрѣловъ?

Карто. Совсѣмъ нѣтъ. Велика стрѣляшь.

Бонапарте. Канонеры — пали! (Канонеры заряжаютъ пушки, сплюсція по всей линіи. Бонапарте самъ наводитъ одну изъ нихъ, прикладываетъ фишиль, и не смотря въ слѣдъ ядру, уходитъ назадъ).

Гаспаринъ (внимательно наблюдавшій за полетомъ ядра). Онъ правъ: ядро не долетѣло до передовыхъ укрѣпленій саженъ на двѣсти или болѣе.

Фреронъ. Все равно! Этого молодой человекъ мнѣ не нравится: онъ отзывается аристократіей. Мы его выучимъ!

Гаспаринъ. Гражданинъ, мнѣ кажется, командующій артиллеріей искуснѣ насъ въ своемъ ремеслѣ. Надобнобъ отрядить его...

Фреронъ (не слушая Гаспарина, говоритъ Карто). Генераль, раздай приказанія: черезъ часъ начнется ашшакъ. (Бонапарте съ сожалѣніемъ смотритъ ему въ слѣдъ: Карто, Салчешши, Гаспаринъ и Фреронъ, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Бонапарте (одинъ). Да когда перестануть они присылать намъ изъ Парижа лѣкарей и живописцевъ командовать? . . . Кшо что ни говори, а Тулонъ здѣсь. . .

Рекрутъ (окликаетъ крадущагося крестьянина). Кто идетъ?

Крестьянинъ. (Провансальскимъ весьма привычнымъ выговоромъ). Чшо мнѣ отвѣчать?

Рекрутъ. Ну, отвѣчай, гражданинъ крестьянинъ!

Крестьянинъ. Гражданинъ крестьянинъ!

Рекрутъ. Хорошо; однакожь ступай, откуда пришелъ; здѣсь не пропускають!

Крестьянинъ. Не пропускають?

Бонапарте (обращивъ на него вниманіе). Ты можешь пройти.

Крестьянинъ (подвигаясь впередъ). Спасибо, господинъ офицеръ.

Бонапарте. Послушай-ка. . . .

Крестьянинъ (въ сторону). Чего онъ отъ меня хочешь?

Бонапарте. Ты здѣшній?

Крестьянинъ. Изъ Олюля.

Бонапарте. Какимъ же образомъ ты идешь съ этой стороны?

Крестьянинъ. Проклятые Англичане схватили меня въ Тулонъ, во время ярмарки, и

заставили работать на Мальбукетскихъ укрѣпленіяхъ.

Бонапарте. А теперь оппустили ?

Крестьянинъ. Нѣтъ ; я бѣжалъ.

Бонапарте. Зачѣмъ же ?

Крестьянинъ. Работы пропашъ, плаща малая. . . . .

Бонапарте. Куда-жъ пробираешься ?

Крестьянинъ. Въ Марсель.

Бонапарте (подаеъ ему руку). Счастливаго пуши !

Крестьянинъ. Благодарствуемъ !

Бонапарте (оспанавливаетъ его). А гдѣ ты работалъ ?

Крестьянинъ. Въ траншеяхъ.

Бонапарте. Стало ты работалъ въ рукавицахъ ?

Крестьянинъ (въ спороку). Будь ты проклять ! (громко). Почему такъ ?

Бонапарте. Иначе кожа на рукахъ твоихъ была бы жестка и черна отъ работы и солнца. Посмотрика на меня : а я люблю бѣлыя и хорошія руки. . . Крестьянинъ . . . который работалъ. . . долго ли ?

Крестьянинъ. Двѣ недѣли ?

Бонапарте. Двѣ недѣли — и руки бѣлы и мягки, какъ у дѣвушки ! (одному изъ блкъъ спощихъ офицеровъ). The spy !

Крестьянинъ (испугавшись). Я ?

Бонапарте. Ты знаеъ поанглійски ?

Крестьянинъ (въ спороку). Ахъ я дуракъ !

Бонапарте. Это не удивительно; проживъ четырнадцать дней у Англичанъ, ты имѣлъ время научиться ихъ языку.

Крестьянинъ. Затвердилъ нѣсколько словъ.

Бонапарте. То есть, столько, чѣмъ быть въ состояніи прочесть адресъ письма, которое долженъ вручить по надписи? Нешакъли?

Крестьянинъ. Я? Да кому?

Бонапарте. А почему мнѣ знать? Какомунибудь *сi devant*, для увѣдомленія его, что Лудовикъ XVIII провозглашенъ въ Тулонъ.

Крестьянинъ (въ шпору). Чортъ, а не человекъ! (громко). Если шакъ думаешь, по вели обыскашь меня.

Бонапарте. Не нужно: опорожни самъ свои карманы.

Крестьянинъ (вынимая изъ кармановъ). Огниво, Испанскій ножикъ . . .

Бонапарте. Который по нуждѣ можетъ служить кинжаломъ.

Крестьянинъ. Старый бумажникъ — больше ни чего; посмотри самъ, коли хочешь. У нашего брата крестьянина, господинъ генераль, нѣтъ ни какихъ секретовъ.

Бонапарте (разсматривая бумажникъ). Да я самъ не любопытенъ до нихъ. (Остановившаяся на одномъ листѣ). Здѣсь есть одинъ неисписанный листокъ, только что вшитый, и бѣлѣ прочихъ; дайка мнѣ на минушку свой ножикъ.

Крестьянинъ. А я и не замѣтилъ; знаю только, что листокъ не исписанъ. Коли хочешь писать на немъ. . .

Бонапарте. Онъ кажется сыръ; надо его прежде высушить.

Крестьянинъ (боязливо). У огня?

Бонапарте. Разумѣется! Канонеры, Филиппъ!

Крестьянинъ. Чортъ возми! (Осматривается, и видя что одинъ только часовый можетъ препятствовать ему въ побѣгѣ, вынимаетъ изъ кармана пистолетъ, бросается на Лотарингца, и выстрѣливъ, наноситъ ему рану въ руку; но Лотарингецъ, схвативъ его, борется съ нимъ).

Бонапарте. Держи! Это шпионъ Англичанъ и эмигрантовъ. (Все устремляется на крестьянина. Лотарингецъ, не выпуская его изъ рукъ, тащитъ впередъ). Филиппъ, канонеры! (Держитъ надъ нимъ вырванный изъ бумажника листокъ). Смотри, пріятель, не чудо ли? Листокъ съ верху до низу покрывается буквами! . . . Подпись Генерала Гуда — на имя Королевскаго брата.

Шпионъ. Все погибло!

Бонапарте. Мерзавецъ!

Шпионъ. Дуракомъ, не мерзавцемъ зови меня!

Бонапарте (презрительно). Шпионъ!

Шпионъ. Такъ чтожь? Я взялся быть шпиономъ для Англичанъ и вѣрно служилъ имъ; ны перехитрилъ меня, и все тушь. (Обернувшись.) Сержантъ, наряди девять человекъ!

Бонапарте. Чтò?

Шпионъ. Разумѣется. Шпиону короткій судъ, въ двухъ словахъ: *схватень и разстрѣлянъ!*

Бонапарте (изумленный). Куда иногда чортъ заноситъ неустрашимость?

Шпіонъ. А ты очень хвастаешься своею? Великая вещь — неустрашимость солдата? Солдата — въ коемъ храбрость возбуждается громомъ барабана и дымомъ пороха, кошорый, падая, произноситъ крестящими устнами слово: *отечество!* Истинная неустрашимость во мнѣ — въ человекѣ, готовомъ двадцать разъ въ день безславно жертвовать жизнью, которую можетъ окончить только позорнымъ образомъ наравнѣ съ воромъ, съ убійцей. . .

Бонапарте. А ты чтожъ такое?

Шпіонъ. Человекъ, не скованный предрассудками, не блѣднѣющій ни отъ какой опасности, слишкомъ знакомый со смертью, и потому ее презирающій; человекъ, который тѣломъ и душой прильпился бы къ великому мужу, захотѣвшему понять его, и сдѣлались бы его ангеломъ-хранителемъ; человекъ. . .

Сержантъ (входя съ девятью солдатами). Кого прикажете?

Шпіонъ (обернувшись къ нему). Меня! (къ Бонапарте). Человекъ, говорю я, который можетъ брать всѣ виды, перенимать всѣ нравы, говорить всѣми языками — и который могъ бы заплашить тысячекратно, жизнью и смертию, за горсть золота, ему брошенную! . . . Вотъ кто я теперь: шпіонъ, родъ мыслящаго жи-

вошнаго, у котораго бьется сердце, у котораго говоритъ языкъ, который, можешь быть, когда нибудь спасъ бы цѣлую державу . . . и который черезъ десять минутъ, будешь трупомъ, просаженнымъ осмью пулями и годнымъ только на обѣдъ рыбакамъ . . . понимаешь теперь, кто я? . . .

Бонапарте. Не имѣешь ли какой просьбы? проси!

Шпіонъ. Солдаты! Когда вамъ доставится быть на моемъ мѣстѣ, требуйте, чтобъ вамъ не завязывали глазъ, и сами командуйте. Вамъ даны всевозможныя преимущества; а какъ я не имѣю права на такое снисхожденіе, то желаю и прошу только, чтобъ кончили со мной, какъ можно скорѣе.

Бонапарте. Я даю тебѣ пять минутъ еще; воспользуйся ими и объяви сержанту послѣднія свои желанія. У тебя, можешь быть, есть жена, дѣши; мать. . .

Шпіонъ. Ничего на свѣтѣ. (*Бонапарте задумчиво садится и пишетъ*). Сержантъ, въ черенкѣ ножа моего найдетъ ты банковый билетъ въ двадцать пять фунтовъ стерлинговъ — почти шестьсотъ франковъ — которые заплатяшь тебѣ чистымъ золотомъ, не ассигнаціями. Половина суммы этой принадлежитъ солдатамъ, если они разомъ положатъ меня на мѣстѣ; еслижъ я дрогну хоть разъ, то все твое! — Платокъ!

Сержантъ. Вотъ онъ!

Шпіонъ. Подай! (завязываетъ себя глаза).

Сержантъ (схвативъ его за руку, ведетъ въ глубину сцены). На колѣна!

Шпіонъ (ослабляя повязку). Дайте мнѣ еще разъ передъ смертью взглянуть на небо!..
Ну. . . Теперь я гошовъ. (Бьетъ въ барабанъ — солдаты выходятъ впередъ — еще — берутъ на изгородь — въ третій разъ — прикладывающіяся);

Бонапарте (вскочивъ, говоритъ громкимъ голосомъ). Ружье къ ногъ! (даешь знакъ рукою).
Маршъ! (солдаты удаляются: онъ подходитъ къ шпіону и срываетъ съ глазъ его повязку). Ты храбрый малый; смерть твоя принесетъ мнѣ мало пользы, но жизнь можешь быть полезна. Вставай! Что съ тобою?

Шпіонъ. Ничего. . . . Одну минуточку. . . . Темно въ глазахъ . . . колѣна трясутся . . . . (Съ трудомъ подходитъ къ кучкѣ дерка; и садится на нее).

Бонапарте. Жизнь твоя зависѣла отъ одного слова; мнѣ обязанъ ты всей своей будущаго — небомъ, которое видишь, воздухомъ, которымъ дышешь: хочешь ли отнынѣ все это посвящать мнѣ?

Шпіонъ. До гроба! Я твой слуга, твой рабъ, твой — шпіонъ. Ты дали мнѣ золота, ты — даешь жизнь!

Бонапарте. Вѣрю тебѣ. Слушай же:

Шпіонъ. Одну минуточку! Я буду твоимъ — я буду принадлежать только тебѣ! . . . Но ты е будешь имѣть власти ни отдашь, ни прощаешь меня? . . .

Бонапарте. Разумѣется!

Шпіонъ. Иначе, я въ ту же минуту опять свободенъ.

Бонапарте. Имѣешь полное право.

Шпіонъ. Хорошо. И такъ приказывай!

Бонапарте. Ты имѣешь свободный входъ въ Тулонъ?

Шпіонъ. Свободный входъ и выходъ, во всякое время.

Бонапарте. Въ которую часть города перенесенъ порохъ изъ магазина?

Шпіонъ. Онъ сложенъ въ погребъ одного изъ домовъ улицы Сен-Рошъ.

Бонапарте. Возвратись же немедленно. Порохъ долженъ быть взорванъ.

Шпіонъ. Хорошо.

Бонапарте. Пущенная отсюда ракета будетъ служить тебѣ сигналомъ. Между тѣмъ какъ оглушенный Тулонъ долженъ быть гарнизономъ обуздывать народъ, а народомъ тушишь пожаръ, я овладѣю Малами Гибралтаромъ, ключемъ къ Тулону. Понимаешь меня?

Шпіонъ. Совершенно.

Бонапарте. И рѣшился?

Шпіонъ. Иду сейчасъ же. (Отходитъ кинюга, возвращается). Пароль?

Бонапарте (съ нерѣшимости). Пароль?

Шпіонъ. Ты не хочешь сказать? Но вѣд будешь сирѣчь по мнѣ и вѣрошно убьютъ меня: какъ же я тогда буду служить тебѣ?

Бонапарте. Ты правъ: если вѣришь; по вѣришь вполне... „Тулонъ и свобода!“
(Шпіонъ поспѣшно уходитъ).

Часовой. Стой!

Шпіонъ (въ полголоса). Тулонъ и свобода!

Я В Л Е Н І Е Л Я Т О В ъ.

Бонапарте. Опять одинъ изъ представителей народа!

Гаспаринъ. Я тебя искалъ.

Бонапарте. Вотъ я.

Гаспаринъ. Знаешь ли, что, по моему мнѣнію, одинъ только ты имѣешь здѣсь настоящее понятіе объ атакѣ?

Бонапарте. Право?

Гаспаринъ. Честное слово.

Бонапарте. Такъ, твое мнѣніе весьма справедливо, гражданинъ представитель.

Гаспаринъ. Еслибъ я имѣлъ власть разпоряжаться, то препоручилъ бы все тебѣ именно . . . я на томъ и настаивалъ, но главнокомандующій и оба товарища мои не согласились. Они не хотятъ отступить отъ своего плана атаки.

Бонапарте. Напрасно!

Гаспаринъ. Послушай: шесть дней тому, какъ я писалъ въ Комитетъ; я требую Дюгомье на мѣсто Карто.

Бонапарте. И хорошо! съ Дюгомье мы сойдемся.

Гаспаринъ. Каждую минуту ожидаю его. Между тѣмъ уже назначено быть этой ночью атакѣ на Фаронъ и Ларшигъ.

Бонапарте. Мы шамъ всѣ погибнемъ.

Гаспаринъ. Рѣшишься ли ты взять на себя большую отвѣтственность?

Бонапарте. Я ничего не боюсь.

Гаспаринъ. Ты начальникъ артиллеріи, не дѣлай ни одного выстрѣда съ этой батареей. Ты выиграешь время, Дюгомье придетъ и одобритъ твой планъ. По мнѣ онъ очень хорошъ; если удастся, то я поздравлю тебя бригаднымъ генераломъ; еслижъ нѣтъ, то понесешь голову на плаху.

Бонапарте. Ни одно орудіе отсюда не выстрѣлитъ — все беру на себя.

Гаспаринъ. Можешь ли положишься на своихъ людей?

Бонапарте. Видишь эту батарею? Съ той поры, какъ она поставлена, двѣсти артиллеристовъ легло у ея пушекъ. Никто не хотѣлъ ужъ оставаться на ней. Видишь ли эту надпись: *батарея безстрашныхъ*? Съ полчаса тому назадъ я велѣлъ ее приблизить. Жюно?

Жюно (выходя впередъ). Что угодно приказать, гражданинъ офицеръ?

Бонапарте. Сколько человекъ записалось на эту батарею?

Жюно. Около четырехсотъ.

Бонапарте (Гаспарину). Теперь видишь, могу ли я положишься на этихъ людей?

Гаспаринъ. Особенно предводительствуемыхъ тобою! Прости; не забывай, что я первый понялъ и умѣлъ оцѣнить воинскій твой геній.

Бонапарте. Никогда!

Гаспаринъ. Проси! да здравствуйешь республика!

Бонапарте. Да здравствуйешь республика! (*Гаспаринъ уходитъ*). Жюно, учился ли ты чемунибудь?

Жюно. Не многому; командиръ: читать, писать, отчасти математикъ; за то ни по латыни, ни по гречески...

Бонапарте. Это не нужно, чтобы читать Вобана, Фоларда и Моншекукули. У насъ есть хорошіе переводы Полибія и коменшаріевъ Цезаря: а болѣе и не нужно тебѣ.

Жюно. Мои родственники...

Бонапарте. Объ этомъ я никогда не справляюсь. Скажи только: хочешь ли служишь при мнѣ, какъ должно честному Французу?

Жюно. Отъ чистаго сердца.

Бонапарте. Не знаю, буду ли я со временемъ чѣмънибудь поважнѣе начальника артиллеріи; но на всякой случай хочешь ли быть моимъ секретаремъ?

Жюно. Охотно.

Бонапарте. Такъ скажи же своему капитану, что я приказалъ тебѣ находиться при мнѣ; и приходи назадъ.

(*Жюно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Во глубинѣ сцены народныя предсавидшен Лабишъ и Фреронъ раздающъ приказанія каюдерамъ, стоящимъ при орудіяхъ.

Бонапарте (услышавъ говоръ ихъ, обращается). Кому какое дѣло до моихъ орудій?

Лабитъ. Мы должны перевезти ихъ на другой пунктъ.

Бонапарте. Гражданинъ представитель, ни одно изъ этихъ орудій не тронется съ мѣста! (Канонеры спускаютъ орудія на прежнія мѣста!)

Фреронъ. И ты смѣешь?

Бонапарте. Исполняйше обязанность свою, какъ представители; а я, какъ артиллеристъ, знаю, что мнѣ дѣлать.

Фреронъ. Какая дерзость!

Бонапарте. Ни одно орудіе не двинется отсюда; скорѣе всѣ ихъ заколочу! Впрочемъ башарей здѣсь на настоящемъ пунктѣ — головой ручаюсь!

Фреронъ. Твое неповиновеніе можешь легко подвергнуть се опасности, молодчикъ.

Бонапарте. Лучше пастъ, чѣмъ пресмыкаться! Возвратитесь въ Парижъ, донесите на меня; это ваше ремесло. Мое дѣло взять Тулонъ — и я возьму его, клянусь моимъ именемъ!

Фреронъ. А имя твое!

Бонапарте. Наполеонъ Бонапартъ.

(За сценой барабанный бой и крикъ: Да здравствуетъ Республика!)

Лабитъ. Что тамъ такое?

Бонапарте. Новый генераль прибылъ.

Фреронъ. Кто такой?

Бонапарте. Дюгомье.

Фреронъ. Кто тебѣ это сказалъ, когда мы ничего о томъ не знаемъ? Дюгомье? Быть не можешь!

Бонапарте. Увѣрьтесь собственными глазами.

Фреронъ. Пойдемъ на встрѣчу; можешь быть, онъ насъ ищетъ.

Бонапарте. (Дюгомье и Гаспаринъ входятъ). Онъ ищетъ меня.

Дюгомье. Гдѣ начальникъ артиллеріи?

Бонапарте. Здѣсь, гражданинъ генералъ.

Дюгомье. Ты храбрый офицеръ! Оставьте насъ, граждане; мнѣ нужно съ нимъ поговорить. Гаспаринъ сообщилъ мнѣ твой планъ ашаки; я одобряю его. Чувствуешь ли себя въ состояніи его исполнить? Если онъ не удастся, беру все на себя; въ противномъ случаѣ честь и слава отнесутся къ тебѣ.

Бонапарте. Ручаюсь за успѣхъ.

Дюгомье. Разпорядись же.

Бонапарте. Мы атакуемъ?

Дюгомье. Немедленно!

Бонапарте. Канонеры, сигнальную ракету!

Дюгомье. Что это значишь?

Бонапарте. Черезъ минушу узнаешь! (Нѣсколько мгновеній спустя, взрывъ пороховаго магана въ Тулонѣ — набашъ).

Бонапарте. Теперь городскимъ жителямъ слишкомъ много дѣла — не до насъ.

Дюгомье. Граждане солдаты, повинуйтесь приказаніямъ своего начальника, какъ моимъ собственнымъ.

Бонапарте. Осадная армія раздѣлится на четыре колонны. Двѣ будутъ наблюдать за крѣпостями; Мальбуке, Балагье и Эгильеть; третья останется въ резервѣ, чтобы подавать помощь всюду, гдѣ потребуется нужда; четвертая будетъ имѣть честь двинуться впередъ подъ предводительствомъ самаго Главнокомандующаго. Капитанъ Мюйронъ, знающій мѣстности, съ однимъ баталіономъ, составитъ авангардъ. Между тѣмъ я брошу со мною бомбъ въ Малый Гибралтаръ. (Барабанный бой). Ага! и сосѣди наши, господа Англичане, очнулись! Ну, дѣши, да здравствуетъ республика, да здравствуетъ республика!

Всѣ. Да здравствуетъ республика!

Бонапарте. Начинать! (орудія заряжаютъ).

Дюгомье. Граждане представители! наградите этого молодаго чловѣка. Если будете къ нему не внимательны, я предрекаю, что онъ одинъ продолжитъ себѣ дорогу. Ну дѣши, впередъ.

Всѣ солдаты. Да здравствуетъ республика!

Дюгомье. Маршъ, впередъ! Марсельскую!

(Всѣ зацѣвываютъ и уходятъ),

(до слѣдующей книжки).

***

IV

СОКРАЩЕННАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА,

составленная А. Востоковымъ,

КРИТИКА,

(окончание).

Если мы мало были довольны первою частью Грамматики Г. Востокова, то, съ сожалѣнiемъ скажу, будемъ еще менѣе довольны Синтаксисомъ его. Сухой наборъ правилъ управленiя, иногда даже ифлочныхъ (стр. 132); правила согласованiя, впрочемъ довольно хорошо изложенныя; самое бѣдное понятiе о предложенiяхъ и періодахъ, наконецъ пунктуация — вотъ все, что авторъ сообщаетъ намъ. Это ли Синтаксисъ? Искусство связывать слова въ понятную рѣчь должно научать насъ связывать и самыя идеи; приучая насъ правильно излагать мысли, оно должно и вмѣстѣ самымъ развивать и направлять мыслительную способность нашу. Приведешь ли къ сему отдѣльныя, безощещныя правила согласованiя и управленiя? Въ Синтаксисѣ не довольно просаго *мелангескаго* познанiя словъ; пусть нужно постигать нѣ отвлеченныя отношенiя, которыя соединяють идеи въ стройное цѣлое; а потому и самое изложенiе сего искусства требуетъ строгой логики. Анализъ состава рѣчи — вотъ предметъ сей части Грамматики. Навыкнувъ разлагать фразы, мы научимся и составлять ихъ. И такъ слѣдовало напередъ возникнуть въ опредѣленiе Синтаксиса, и опшуда уже выводиться дѣленiя и подраздѣленiя его. Тогда минимы основныя правила обратились бы въ частности; тогдабы

мы увидѣли составъ человѣческаго слова въ гармонической его цѣлости. Что сдѣлалъ нашъ авторъ?

Послѣ опредѣленія Синтаксиса, о чемъ я уже говорилъ въ началѣ статьи, онъ даетъ понятіе о предложеніяхъ слѣдующимъ образомъ: *Рѣчь есть соединеніе словъ, выражающее мысли вообще. Но когда рѣчь ограничивается выраженіемъ одной мысли, тогда она называется предложеніемъ* (с. 113). Не дѣля сказашъ, что неправоильно; но форма опредѣленія не логическая.

Всякое предложеніе, продолжаетъ авторъ, состоитъ изъ двухъ частей, называемыхъ подлежащимъ и сказуемымъ. Подлежащее есть имя предметъ, о которомъ говорится. — А личное слово въ такъ называемомъ безличномъ оборотѣ, явное во Французскомъ языкѣ, на пр. *il pleut?* Сказуемое есть глаголъ, или все то, что о предметѣ говорится. — Это сбивчиво.

Подлежащее можетъ состоять и изъ неопредѣленнаго наклонія глаголь, замѣняющаго существительное. — Развѣ шолько неопредѣленное наклоніе можешь замѣнять существительное и бышь подлежащимъ?

Между подлежащимъ и сказуемымъ должна быть связь. Когда сказуемое состоитъ изъ одинакаго глагола (несоставнаго), тогда связано (что?) съ подлежащимъ, посредствомъ окончанія своего, показывающаго лице, число и время. — И такъ лице, число и время имѣють съ глаголомъ есмь одинаковое назначеніе? Когда же сказуемое есть глаголъ составной, тогда связью служитъ вспомогательный глаголъ *есть, былъ,*

будеть и пр.; напр. *праздность есть порокъ*; *утенникъ былъ прилеженъ* (с. 114). И такъ при составномъ глаголь долженъ быть еще вспомогательный? И такъ выраженіе *есть порокъ* должно называшь составнымъ глаголомъ? По крайней мѣрѣ такіа заключенія можно вывести изъ словъ автора.

Послѣ сего авторъ объясняетъ (с. 114—119) предложенія сложные, опредѣлительныя и дополнительныя слова, придащочныя и вводныя предложенія, и симъ заключаетъ такъ названное имъ *введеніе* въ Синтаксисъ.

Всякая мысль соспоишь изъ двухъ главныхъ идей — идеи предмета и идеи качества въ обширномъ смыслѣ сего слова. Такъ и предложеніе, выраженіе мысли, составляется изъ двухъ частей — подлежащаго и сказуемаго. Каждая изъ сихъ *большихъ частей предложенія* состоитъ изъ двухъ *меньшихъ*: подлежащее состоитъ изъ имени предмета и названія лица его; сказуемое — изъ прилагаемаго и глагола кореннаго а). Прилагаемымъ бываетъ или существительное или прилагательное. Первымъ придаемъ предмету рѣчи *все* постоянныя качества, принадлежащія предмету рѣчи, означаемому симъ существительнымъ; вторымъ придаемъ ему *одно* какое-либо качество, постоянное или случайное, означаемое симъ прилагательнымъ. Глаголь *есть* даетъ действительность, бытіе прилагаемому, которое безъ него выражаетъ одну шемную идею.

а) Названіе *вспомогательнаго* ставящаго его ниже означенія.

Всякое цѣлое составляется изъ частей, соотвѣствующихъ другъ другу и подчиняемыхъ одной главной: Такъ и въ предложеніи; какъ цѣломъ, всѣ большія части соотвѣствуютъ другъ другу, меньшія согласуются между собою, а предметъ рѣчи есть главное, управляющее слово. По сей-то причинѣ лицесловіе согласуется съ именемъ предмета рѣчи въ родѣ, числѣ и падежѣ; прилагаемое часто соединяется съ кореннымъ глаголомъ въ одно слово (въ глаголь качественннй); сказуемое согласуется въ родѣ, числѣ, падежѣ и лицѣ съ подлежащимъ; а подлежащее бываетъ всегда въ именительномъ, ибо оно есть *прямое* названіе предмета, о которомъ говорится. Выраженія *Петръ-я былъ-радъ* и *Петръ-онъ есть-глаголъкъ* суть общія формулы *прямыхъ именныхъ а) предложеній*; *я былъ радъ* и *Петръ глаголъкъ* — предложенія эллипсическія, обыкновенно вмѣсто нихъ употребляемыя.

Изъ эллипсическихъ предложеній должно замѣтить особенно слѣдующее, неправильно называемое безличнымъ (с. 98). Когда мы не хотимъ явно указать на предметъ рѣчи, можемъ быть; не различая его сами во множествѣ подобныхъ, тогда даемъ ему форму множественнаго числа и опускаемъ его; напр. *прѣ него говорятъ многи хорошаго*; то есть, *всѣ, многіе, нѣкоторые люди* говорятъ. Во Французскомъ въ семъ случаѣ спа-

- а) Кажется, лучше назвать сія предложенія *именными*, нежели *предметными*, какъ я назвалъ ихъ прежде; мы увидимъ, что и безличныя имѣютъ предметъ рѣчи, но не имѣютъ имени.

вится явное лицевое *он*, именно для сего оборота рѣчи назначенное, и сей-то оборотъ замѣняется у насъ иногда вторымъ лицомъ единственнаго числа. Напр. *желаешь для себя, а ищешь раздѣлить.* (Дмитриевъ). Не прельщайшесь; Бога не обманешь (Гал. VI. 7). *Ne vous trompez pas; on ne se tromque point de Dieu* (Vulg; Saci).

Предметъ рѣчи можетъ быть и подчиненною идеею; а сказуемое — главною, управляющею. Тогда предметъ рѣчи переходитъ въ сказуемое; какъ будто дополнительное слово; въ подлежащемъ остается одно подразумевающееся лицевое, принимающее за недостаткомъ имени наименѣе опредѣленную форму, то есть, третье лице, среднй родъ и единственное число; сказуемое согласуется съ лицесловіемъ, а предметъ рѣчи ставится въ одномъ изъ *косвенныхъ* падежей, смотря по мысли, какую хотимъ выразить. Когда мы хотимъ выразить на пр. зависимость предмета рѣчи отъ количества, не дѣлая сего количества предметомъ рѣчи, тогда употребляемъ родительный падежъ; на пр. *наѣхало гостей; накопилось денегъ* (сравн. с. 131). Явно, что родительный падежъ зависитъ здѣсь отъ подразумевающихся количественныхъ именъ: *много, нѣсколько.* Сей-же падежъ ставится и при отрицательныхъ глаголахъ; означающихъ неимѣніе: напр. *Нѣтъ путей къ сямъ берегамъ* (Жуковский)! *А такой битвы и не слыхано* (Пѣснь о походѣ Игоря). (стр. 134). Когда мы хотимъ выразить, что дѣйствіе, означаемое сказуемымъ, возбуждается въ предметъ рѣчи ка-

кою-то неопредѣленною силою, а не отъ собственной воли его зависить, тогда употребляемъ дательный падежь: напр. *Мнѣ не спится; ему взгрустнулось* (см. с. 136). Когда мы смошримъ на предметъ рѣчи, какъ на орудіе какой-то неопредѣленной силы, какъ на средство, вещество дѣйствія, тогда ставимъ творительный: напр. *бурею сорвало кровлю а); здѣсь пахнетъ смолою*. Если при такомъ оборотѣ будетъ одинъ винительный падежь, тогда предметъ рѣчи должно подразумѣвать въ творительномъ. Прр. *Челнъ ужасно колыхаетъ* (Жуковский), то есть, *колыхаетъ волнами. По кожѣ подрало его и стало не видать* (Хемницеръ), то есть, *вѣтъ-то подрало его*. Въ послѣднемъ предложеніи: *его стало не видать*, предметъ рѣчи *его* въ родительномъ. Всѣ сии и подобныя косвенныя именныя предложенія могутъ быть обращены въ прямыя, которыхъ однакожь не всѣ упрощительны. Гости *наѣхали*, много *гостей наѣхало*. Деньги *накопились*; довольно *денегъ накопилось*. Пути къ берегамъ *симъ не существуютъ*. А такая битва и не *слыхана*. Вуря *сорвала кровлю*. Смола *здѣсь пахнетъ*. Я *не сплю*; я *не могу заснуть*. Онъ *потушествовалъ грусть*; онъ *загрустился*. Волны *ужасно колыхаютъ телнъ*. *Что-то подрало его по кожѣ и онъ сталъ не видѣть*.

а) Предложеніе сіе я поставилъ было въ примѣръ безличныхъ, по общему понятію о безличныхъ предложеніяхъ; но здѣсь я разсудилъ вложить истинную теорію безличныхъ и подобныхъ сему оборотовъ.

Наконецъ сказуемое бываетъ, не только главною идеею, но даже и предметомъ рѣчи. Тогда въ подлежащемъ остаётся опять одно лицесловіе, принимающее вмѣстѣ съ сказуемымъ наименѣе определенную форму, а имени нѣтъ вовсе. Таковы *безыменные* предложенія : *разсвѣтаетъ; разсвѣло; на дворѣ нынѣ холодно*, ежели не подразумѣвать въ семъ послѣднемъ дательнаго *мнѣ, себѣ*. Дополненіями къ такому самостоятельному сказуемому могутъ быть одни нарѣчія, выраженія замѣняющія нарѣчія, и неопределенное наклоненіе, когда оно составляетъ какъ бы одно слово съ сказуемымъ, напр. *скоро станетъ разсвѣтать*.

Форма безыменныхъ предложеній та-же и во Французскомъ языкѣ, только лицесловіе явно; прр. *il pleut, il neige, il tonne*. И хотя нѣкоторые Грамматики (Noël и Charval) говорятъ, будтобы въ сихъ оборотахъ предметъ рѣчи подразумѣвается (*il pleut la pluie, il neige la neige, il tonne le tonnerre*), однако я на сіе не согласенъ. Что можно подразумѣвать напр. при глаголь *разсвѣло*? Французскихъ Грамматиковъ обмануло недостаточное понятіе о сложности подлежащаго, и обороты *il est un Dieu dans le ciel, il est nécessaire d'étudier*, въ которыхъ дѣйствительно Dieu и d'étudier суть предметы рѣчи. Но переведа сіи примѣры порусски (*есть Богъ на небѣ; необходимо учиться*), увидимъ, что сіи обороты, сходные съ безыменными суть не что иное какъ особенная разстановка словъ (*inversion*), дающая силу сказуемому, не дѣлая его однако главною идеею.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ предложеній, которыя можно изъяснить только изъ сего ученія, или изъ которыхъ можно вывести другія не менѣе важныя правила: Напрасно тамъ солнцу сіять и горѣть (Жуковский)! — Нѣтъ, злату не бываешь души моей кумиромъ (Дмитріевъ)! — Такъ бывало во время прежнихъ браней, а такой битвы и не слыхано (слово о полку Игор.). — Желѣзу не раздѣлить ее (душу), огню не сжечь, водѣ не размытъ, воздуху не изсушить (Бхагавад-Гита. Телеграфъ)! — Тебѣль съ-нимъ бороться (Жуковский)? — Мнѣ нѣтъ было о Троѣ (Ломоносовъ). — Наказать, наказаль меня Господь; но смерти не предашь меня (Псал. СХVII. 18). — Время помиловать, Боже (Псал. LXVIII. 14)! — Видѣшь, не видашь; слышать, не слыхаль (народн. прислов.). — Будь на меня вся не-яшovýchъ злоба, вѣщайъ вамъ дерзаю (Жуковский). — Пройди ихъ (ушѣсы) — долина, долинъ красота (Жуковский)! — Мнѣ смотрѣшь за огнемъ (Жуковский)! — А мы надѣялись было, что онъ избавишь Израиля (Лук. XXIV. 21). — Или себя (ничтожность) не узнашь (Жуковский)! — А вы, о юноши! внимашъ, благоговѣшь (Дмитріевъ)! — Кого помиловашъ, милую; кого пожалѣшь жалѣю, (Римл. IX. 15). — Зачѣмъ было вамъ искашь Меня (Лук. II. 19)? Что яко искаше Мене? Pourquoi Me cherchez-vous? — А всё прискучишься, какъ не съ кѣмъ молвишь слова (Крыловъ). — Чѣмъ нѣ мосьть намъ иди, помощемъ лучше броду (Крыловъ). — Въ лѣсу кого набрешъ, кромѣ волковъ

или медвѣдей (Крыловъ)? — Употребленіе залоговъ : люблю ; люблю себя ; ты полюбился мнѣ ; я любимъ ; я любимъ шобою ; меня любящъ ; я скучаю ; скучаю день и ночь ; мнѣ скучно ; мнѣ соскучилось ; скука одолеваетъ меня и пр. и пр. Все сіе богатство Русскаго языка ускользаетъ ошъ нашего автора. Чшо мудренаго ? Ученіе о предложеніяхъ онъ почелъ *введеніемъ* въ Синтаксисъ. Посмотримъ-же , въ чемъ состоить его Синтаксисъ.

Раздѣленіе Синтаксиса. Авторъ говоритъ : *въ словосогиніи содержатся правила 1. согласованія словъ , 2. употребленіе падежей , или управленіе словъ , 3. согетанія цѣлыхъ предложеній или составленія періодовъ , и раздѣленія ихъ знаками препинанія* (с. 119). — Положимъ , и такъ ; но я не вижу причинъ сего раздѣленія. Синтаксисъ есть Логика Грамматики. Изслѣдывая логически , мы найдемъ можешъ бытъ иное раздѣленіе.

Согласованіемъ называется употребленіе прилитныхъ окончаній въ словахъ , составляющихъ предложеніе. — Не ясно. — Самъ авторъ начинаетъ сочиненіемъ словъ съ подлежащимъ.

Статья согласованія (119—127) вся хороша , кромъ одного правила (с. 121). Авторъ говоритъ , будшо *количественныя* два , три , четыре , полтора , полпретья и пр. и *мѣстоименіе* оба даютъ согиненному съ ними *существительному* въ падежахъ *именительномъ и винительномъ* особое окончаніе *гисла множественнаго* , сходное съ *родительнымъ падежемъ гисла единственнаго* ; напр. *два теловѣка* (но я вижу *двухъ теловѣкъ ?*)

три лица ; обѣ руки (но — обѣ руки ?) четыре ноги, полтора рубл. — Чѣмъ Авторъ докажешь, что окончанія сии принадлежатъ не родительному падежу единственнаго числа, и суть особыя окончанія числа множественнаго, изобрѣшенныя только для сихъ немногихъ случаевъ? Если ужъ позволяешь себѣ шакія догадки, ни къ чему не ведущія, то почему не скажешь, что это суть особыя окончанія родительнаго множественнаго числа? По крайней мѣрѣ тогда бѣ правило о количественныхъ два, три слилось съ правиломъ о количественныхъ вообще, кошорыя требуютъ существительнаго въ родительномъ, а не въ именительномъ падежѣ. Гораздо бы лучше, еслибъ авторъ постарался изъяснить, почему при количественныхъ два, три, четыре существительное спавилося въ единственномъ.

За симъ слѣдуетъ управленіе. *Родительный присвоеніа, говоришь авторъ, имѣетъ мѣсто при существительномъ, когда одинъ предметъ присваивается другому. Имя послѣдняго, если не можетъ обращено быть въ притяжательное, полагается въ родительномъ падежѣ; на пр. советъ друга (с. 129).* — Родительный падежъ не всегда замѣняетъ притяжательное; *советъ друга и дружескій советъ (дружескій есть притяжательное, по автору)* совершенно разныя вещи.

Родительнымъ количества управляютъ глаголы безличные залоговъ средняго и возвратнаго, при коихъ подразумеваются въ именительномъ падежѣ мѣстоименія много, нѣсколько; напр. навѣхало гостей (с. 131). . . Также глаголы личные залога

дѣйствительнаго, вида совершеннаго, коихъ дѣйствіе простирается на нѣкоторое количество или мѣру того либо, и при коихъ мѣстоименія много, нѣсколько подразумѣваются въ винительномъ падежѣ; напр. *купить хлѣба*. — Но сего родительнаго требуютъ не глаголы собственно, а сказанныя подразумѣваемые слова. **Неокончательный видъ сихъ лѣзныхъ глаголовъ требуетъ винительнаго падежа**; напр. *покупать хлѣбъ*. — Но это пошлему, что неокончательный видъ, означая неопредѣленность (дѣйствіе безъ означенія начала и конца оному; с. 56), требуетъ опредѣленія, то есть явнаго винительнаго; между тѣмъ какъ при совершенномъ видѣ (дѣйствіе съ означеніемъ что оно начато или кончено, с. 57) сей падежъ можеть и подразумѣваться. Прр. *Я всякой годъ покупаю сто четвертей хлѣба; я покупаю хлѣбъ* — видъ неокончательный. *Я купилъ много хлѣба; я купилъ хлѣба*, подразумѣвая нѣкоторое количество — видъ совершенный.

Родительный. движенія мысленнаго имѣеть мѣсто при глаголахъ и прилагательныхъ, означающихъ желаніе, ожиданіе, достиганіе, удостоеніе, прѣдѣленность и противоположныя онымъ понятія ослушаніе, орасеніе, удаленіе, лишеніе; напр. *искать мѣста, достигати цѣли, заслуживати вниманія, слушаться совѣта, убѣгать или избѣгать кого или того* (с. 133). — Но развѣ не говоряшь — *онъ приискиваетъ себѣ мѣсто; онъ дашель до невозможнаго; онъ заслужилъ награду; онъ прилѣпилъ къ богатству; онъ ушелъ отъ бѣды?*

Дательнаго требуютъ прилагательныя миль, любезень, противень, нужень (с. 135). — Но они шребують и родительнаго съ предлогомъ для. Дательнаго шребують существительныя, согиненныя съ глаголомъ вспомогательнымъ для присвоенія одного предмета другому; напр. хозяинъ этому дому; наслѣдникъ имѣнію; виновникъ дѣлу. — Но шенерь мы чаще слышимъ родительный.

Дательнаго шребуеть неопредѣленное всѣхъ глаголовъ, когда употреблено въ подлежащемъ, вмѣсто существительнаго; напр. угитися всякому человеку полезно; дѣлится непохвально юношамъ (с. 136). — Но здѣсь дательный зависить не ошъ неопредѣленнаго наклоненія. Замѣните его именемъ, падежъ останешся шось-же — угеніе полезно всякому человеку; лѣность непохвальна юношамъ, или для юношей.

Неопредѣленное наклоненіе глагола вспомогательнаго быть шребуеть въ такихъ слугахъ дательнаго надежа и въ прилагательныхъ и притястїяхъ, согиненныхъ съ онымъ; напр. быть здорову и покойну душею первое благо; надобно быть готову на всякой слугай; работъ слѣдовало быть конченной; намъ можно быть спокойнымъ; имъ должно быть готовымъ. — Едва ли шакъ; я слыхаль шворительный: быть здоровымъ и спокойнымъ . . . надобно быть готовымъ . . . намъ можно быть спокойными . . . имъ должно быть готовыми. . . Въ выраженіи работъ слѣдовало быть конченной шакже шворительный, сходный съ дательнымъ шолько окончаніемъ. А когда припом-

нимъ сказанное нами о предложеніяхъ, по увидимъ, что при послѣднія предложенія приводимыя авторомъ суть косвенныя именныя, въ которыхъ предметы рѣчи — *работа, мы, они*. Второе также косвенное, съ подразумѣвающимся дательнымъ *всякому теловѣку*; слѣд. остается одно первое, въ которомъ *быть* съ своими дополненіями есть подлежащее.

Дательнымъ безъ предлога управляютъ также имена и глаголы, означающіе дѣйствіе, относительное къ другому предмету или къ самому дѣйствователю . . . напр. *говорить что кому; ужасаться кому (?) или тому; предстоять кому или тому* (с. 137). . . Но развѣ не лъзя сказать: онъ говорилъ эту рѣчь *для васъ* (васъ ради); *предъ нимъ* предстояшь вожди? Глаголь *ужасаться* употребляется чаще безъ падежа.

Глаголы дѣйствительные, означающіе взятіе или полученіе, управляютъ дательнымъ падежемъ мѣстоименія возвратнаго; напр. брать, взять, полугать, доставать себѣ что (с. 138). — Но — онъ *взялъ*, *захватилъ* работу *для себя* одного; онъ *получилъ*, *доставалъ* деньги *для себя*, а не *для васъ*?

При глаголахъ означающихъ присвоеніе какого либо вида или названія, въ творительномъ ставится имя, присвоиваемое предмету; напр. признавать, считать, почитать . . . кого тѣмъ (с. 141) — Но — его признають, считаютъ, почитаютъ за *тестнаго теловѣка*?

(С. 146) Въ изчисленіи сопредложныхъ глаголовъ, требующихъ шѣхъ или другихъ предлоговъ,

есть пропуски. *Вы*, напр., *требуешь и въ — выдти въ люди; за и изъ требуютъ и на и въ — засмотрѣлся на картину, зашелъ въ лѣсъ, изрубили на куски, въ куски; и пр. и пр.*

Творительнымъ падежемъ съ помощью предлога съ управляютъ всѣ глаголы взаимные; напр. сражаться съ кѣмъ (с. 149). — Но — сражаются противъ враговъ отечества? Тутъ-же, въ примѣръ взаимныхъ, авторъ выставилъ глаголы играть, спорить, разговаривать съ кѣмъ. И точно это взаимные глаголы; но по опредѣленію автора (с. 54) они должны бѣ кончиться на ся.

Далѣе авторъ выставляетъ еще нѣсколько правилъ управленія, хотя большая часть ихъ принадлежитъ Словарю, а не Грамматикѣ, особенно сокращенной. Часто малѣйшее уклоненіе отъ первоначальнаго значенія слова измѣняетъ и управленіе его; какъ-же хотѣшь подвести тысячи такихъ случаевъ подъ правила положительныя? Не забудемъ также, что многія изъ сихъ правилъ мы знаемъ и не учась, по одному навыку.

Наконецъ авторъ приступаетъ къ послѣдней цѣли Синтаксиса, къ составленію рѣчи. *Рѣчь, заключающая въ себѣ полный смыслъ, называется періодомъ (с. 150),* говоритъ онъ. Но и всякое предложеніе, даже изъ одного слова состоящее (съ опущеніями), заключаетъ въ себѣ полный смыслъ.

Періодъ, продолжаетъ авторъ, можетъ состоять изъ одного предложенія, простаго или сложнаго, или же изъ нѣсколькихъ таковыхъ пред-

ложеній, соединенныхъ союзами. — И такъ изъ десяти, изъ двадцати, изъ ста?

Сложный періодъ, изъ сколькихъ бы членовъ ни состоялъ, большею частію дѣлится на двѣ половины (всегда, если правиленъ), изъ коихъ во второй заключается доказательство, объясненіе или слѣдствіе сказаннаго въ первой половинѣ (с. 151). — Вотъ опредѣленіе періода, нечаянно сказанное авторомъ. Разовьемъ, по возможности, нашу мысль.

Два предложенія, имѣющія такое между собою отношеніе, что одно изъ нихъ служитъ доказательствомъ, объясненіемъ или слѣдствіемъ другому, составляютъ періодъ. Назовемъ ихъ *большими членами* періода, а союзы связывающіе ихъ *большими союзами*.

Каждый изъ сихъ большихъ членовъ можетъ состоять изъ двухъ предложеній, служащихъ равноправно доказательствомъ, объясненіемъ или слѣдствіемъ одно другому. Назовемъ ихъ и союзы *меньшими*.

Каждый изъ двухъ большихъ членовъ можетъ содержать по нѣскольку предложеній, выражающихъ по-же самое отношеніе, какое существуешь въ большихъ. Назовемъ ихъ *цѣпными*. (Число цѣпныхъ членовъ зависитъ отъ величины ихъ. Можетъ быть до десяти, ежели предложенія не многогословны; иначе вниманіе ушомышся).

Отсюда три вида періодовъ — простые, сложные и цѣпные. Примѣръ простаго: *Если человекъ истинно пожелаетъ сдѣлаться мудрымъ*

(первый больш. чл.), *то* онъ обрѣшетъ упрачен-
ное блаженство (второй больш. чл.).

Примѣръ сложнаго: *Если* человекъ истинно
пожелаетъ сдѣлаться мудрымъ (пер. меньш. чл.),
ибо надобно выучиться и желать (вп. меньш. членъ,
составляющій съ первымъ пер. больш.); *то* онъ
обрѣшетъ упраченное блаженство (вп. больш. чл.).

Примѣръ цѣпнаго: *Если* человекъ истинно
пожелаетъ слѣлаться мудрымъ; *если* онъ рѣ-
шится побѣдить чувственность; *если* отвле-
чешь взоры свои отъ вещей преходящихъ и об-
ратишь ихъ на себя самого (цѣпные члены, со-
ставляющіе пер. больш.): *то* онъ обрѣшетъ упра-
ченное блаженство (вп. больш. чл.).

Есть и другія формы и роды періодовъ, но здѣсь
не мѣсто говорить о нихъ. Замѣтимъ только, что
ни *одночленныхъ* ни *смѣшанныхъ* не должно быть
вовсе, хотя Грамматики и признають ихъ. Одно-
членный періодъ есть не иное что какъ предло-
женіе *многословное* (распространенное); а смѣ-
шанный есть или сложный, или дѣйствительная
смѣсь предложеній, неправильная. Недостаточное
понятіе о сущности періода было причиною изо-
брѣшенія смѣшанныхъ періодовъ. Оно-же породило
и другую погрѣшность, въ которую иногда, впро-
чемъ рѣже, впадаютъ писатели наши; это на-
сидьственное *раздробленіе* періода на независимыя
предложенія. Ниже предложу примѣры той и другой.

Явно, что приведенные нами примѣры пері-
одовъ могутъ выразиться всѣ одною формулою —
если дѣлается сіе, *то* происходитъ шо-шо. Да
и вообще всѣ правильные періоды должны подхо-

дутьъ подъ сію формулу, съ перемѣною только однихъ союзовъ на другіе. Приложимъ сіи правила къ примѣрамъ, предлагаемымъ нашимъ авторомъ.

Двусленный періодъ (с. 151) по раздѣленію автора: Хотя талантъ есть вдохновеніе природы (*первый сленъ*), однако ему должно развиться ученіемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ (*вт. сл.*).

Формула сего примѣра будетъ: *хотя* существуетъ то-то, *однако* существуетъ и сіе. Слѣд. это періодъ *простой* и *правильный*, кромѣ опущенія союза *и*.

Трехсленный періодъ: Ленивый рѣдко успѣваетъ въ своихъ предпріятіяхъ (*пер. сл.*), отъ того что всякой трудъ для него шагосень (*вт. сл. и половина періода*), а безъ труда, какъ говорятъ, нѣтъ плода (*тр. сл. и другая половина періода*).

Упростивъ сей примѣръ, получимъ: ленивый ли въ чемъ не успѣваетъ — *потому что* трудъ для него шагосень — *а* успѣхъ не существуетъ безъ труда. Причины, почему ленивый не успѣваетъ, заключаюся во второмъ и въ третьемъ предложеніи; слѣд. и послѣднее можешь начинаться союзомъ принадлежащимъ второму. Въ семъ видѣ періодъ будетъ *цѣпной* и формула его — дѣлается сіе, *потому что* происходитъ то-то и то-то. Союзъ *а*, означающій или противоположность или *отличность*, явно не идетъ въ составъ его. Впрочемъ можно дать и другой видъ сему періоду, обратя третье пре-

дложеніе въ придаточное къ слову *трудъ*, такимъ образомъ: *потому что* всякой трудъ (безъ коего нѣтъ плода) для него шягоснень. А еще лучше, когда предложеніе сіе вовсе отдѣлится отъ періода. Тогда союзъ *а* будешь связывать его съ періодомъ, не мѣшая связи послѣдняго; ибо, надобно замѣшишь, что и отдѣльныя предложенія и періоды составляющіе *большую рѣчь* всегда болѣе или менѣе, явно или неявно, должны быть связаны между собою. О сей связи между частями большой рѣчи не найдеше ни въ одной нашей Грамматицѣ.

Четырехчленный періодъ: Терпѣніемъ и трудомъ человекъ преодолеваетъ препятствія (*пер. чл.*) и достигаетъ желаемого въ чемъ либо успѣха (*вт. чл. и половина періода*): лѣность же и малодушіе не только заграждаютъ путь къ успѣху (*втр. чл.*), но даже съ начатаго имъ пути обращаютъ вспяшь (*четв. чл. и другая половина періода*).

Сей примѣръ содержитъ только два предложенія, а не четыре, какъ говоритъ авторъ. *Основа* перваго — *человекъ преодолеваетъ и достигаетъ*; основа втораго — *лѣность и малодушіе заграждаютъ и обращаютъ*. Явно, что въ первомъ предложеніи два сказуемыхъ при одномъ подлежащемъ, а во второмъ два подлежащихъ и столько же сказуемыхъ. Союзы *не только, но даже*; находящіеся во второмъ предложеніи, могутъ быть замѣнены однимъ *и даже*. Слѣд. періодъ сей есть *простой*, и формула его будемъ — *шѣмъ-то дѣлается шо-шо, а эшо производишь сіе,*

Примѣръ смѣшаннаго періода (изъ Праксъ Рус. Грамматики Г. Греча с. 425). Хотя первыя понятія дикихъ людей были весьма недостаточны, но они служили основаніемъ для тѣхъ великолѣпныхъ зданій, которыми украшается вѣкъ нашъ; они были первымъ шагомъ къ великимъ открытіямъ Невтоновъ и Лейбницева; — такъ оный источникъ, едва, едва журчащій подъ стѣною вѣшвистаго дуба, мало по малу расширяется, шумитъ, и наконецъ образуетъ величественную Волгу.

Дѣленіе сего періода по правиламъ выше изложеннымъ: *Хотя* первыя понятія дикихъ людей были весьма недостаточны (пер. больш. чл.); *но* они служили основаніемъ для тѣхъ великолѣпныхъ зданій, которыми украшается вѣкъ нашъ; (*но*) они были первымъ шагомъ къ великимъ открытіямъ Невтоновъ и Лейбницева (два цѣпные члена составляющіе вл. больш). Такъ оный источникъ, едва-едва журчащій подъ стѣною дуба, мало по малу расширяется, шумитъ и наконецъ образуетъ величественную Волгу (предложеніе сложное и распространенное, состоящее въ связи съ періодомъ). Въ семь видѣ періодъ дѣлается правильнымъ.

Примѣръ раздробленнаго періода (изъ предисловія къ книгѣ — Хаджи-Баба Исфгани въ Лондонъ — стр. VI — VIII). Чтобы съ нѣкоторою основательностію и истиною поставити въ противоположности Персидскія и Европейскія о вещахъ понятія, не довольно знашь Персіанъ изъ

описаній путешественниковъ, и даже личныхъ своихъ наблюденій. Надобно непременно умѣть мыслишь, чувствовать и рассуждать поперсидски, съ такимъ же почти навыкомъ, съ какимъ мы чувствуемъ, мыслимъ и рассуждаемъ европейски; надобно знать въ точности мнѣнія и предрассудки Восточныхъ, ихъ привычки, подробности домашней ихъ жизни, мѣру умственныхъ способностей и познаній, и самый родъ ихъ остроумія; проникнувшись ихъ образомъ мыслей, и быть въ состояніи собственнымъ своимъ мыслямъ давать при случаѣ оборотъ восточный. Однимъ словомъ, необходимо знать Восточные языки въ такой степени, чтобы не только быть въ состояніи овладѣть народными тайнами Азіяскихъ обществъ въ частныхъ и дружескихъ съ Мусульманами бесѣдахъ, но и вывезти, изъ книгъ ихъ, вѣрный итогъ ихъ высшихъ понятій, и, мысля на ихъ языкахъ, свои понятія выражать свойственнымъ имъ образомъ.

Упростивъ сію рѣчь и приведя въ естественный порядокъ, получимъ формулу — знать Персіяль изъ того-то не довольно, чтобы сдѣлать то-то (для сдѣланія): надобно умѣть это; надобно знать сіе; надобно проникнувшись пѣмъ-то, словомъ надобно знать то и то. Явно что это одинъ періодъ, неправильно раздѣленный на три; цѣпной подразумевающийся союзъ его есть *еще*. Впрочемъ, по причинѣ длины, можно раздѣлить его и на нѣсколько періодовъ, только иной формы.

Послѣ трехъ вышеприведенныхъ примѣровъ періода, авторъ нашъ предлагаетъ примѣръ рѣчи отрывистой, переходящей къ знакамъ прееинанія (152—156), и — конецъ Сиптаксису. Нѣтъ, это не Сиптаксисъ. Авторъ умолчалъ объ основаніяхъ его: онъ не далъ надлежащаго понятія о предложеніяхъ въ отношеніи къ предмету рѣчи, къ залогамъ, къ наклоненіямъ; не упомянулъ о сиптаксическимъ частяхъ рѣчи и о замѣненіяхъ формъ однихъ другими; не сказалъ ни слова объ опущеніи, занимающемъ столь важное мѣсто въ нашемъ языкѣ особенно; не объяснилъ періода; даже не намекнулъ о порядкѣ словъ, о связи частей большой рѣчи — и между шѣмъ составилъ два особые параграфа для управленія прилагательнаго *полокъ* и глагола *касаться* (стр. 132)! Умалчивая о порядкѣ словъ, авторъ лишаетъ насъ одного изъ важнѣйшихъ преимуществъ языка Русскаго (см. спашью мою — слогъ Г. Полеваго въ Грамм. отношеніи, Моск. Вѣстн. 1830 г.) Но онъ и самъ погрѣшаетъ иногда противъ расположенія словъ; по крайней мѣрѣ въ оборотахъ рѣчи его и въ выраженіяхъ часто встрѣчаешь что-то нерусское. Таковы слѣдующіе приводимые имъ примѣры: *какъ первое, такъ и послѣднее желательнo* (стр. 122); *либо способность, либо прилежаніе будутъ награждены* (с. 124); *между огородовъ ведетъ тропинка* (с. 144); *полезнѣе трудится, нежели празднымъ быть* (с. 156). См. также спраицы 10, 22, 44, 59 и другія нѣкоторыя. Упомянувъ о примѣрахъ, ксшати замѣтимъ, что они должны бѣ служить образцами относи-

тельно правильности и вкуса. Между тѣмъ (на с. 153) находимъ слѣдующее мѣсто изъ Ломоносова: Публичныя строенія, корабли, пристави, всегда видѣли и имѣли его (Петра) въ основаніи показателя, въ трудахъ ободрителя, въ совершеніи награждителя.

Что еще скажешь о Граматикѣ Г. Востокова? Довольно для того, чтобы сдѣлать заключеніе. Сравнивая ее съ краткою Граматикою Г. Греча (Начальныя правила Рус. Грам. см. Разборъ мой въ Москов. Вѣстн. 1827 г.), я нахожу, что у послѣдняго Синтаксисъ лучше. Впрочемъ, учителя Русскаго языка могутъ и должны совѣшываться съ обѣими.

Иванъ Каллаидовичъ.

VII.

БИБЛИОГРАФІЯ.

— КРАТКІЯ ЗАПИСКИ АДМИРАЛА А. ШИШКОВА, вѣденныя имъ во время пребыванія его при блаженной памяти ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I въ бывшую съ Французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну. С. П. Б. въ типогр. ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи. 1831. — записки 1814 года, А. Михайловскаго Данилевскаго. С. П. Б. въ типогр. Депар. Внѣш. Торг. 1831. — Вѣкъ нашъ можешь назваться вѣкомъ признаній и записокъ.

Никогда люди не были такъ словоохотны о себѣ, какъ нынѣ: никогда не выставляли самихъ себя на позорище съ такою откровенностью, съ такимъ безприсрастіемъ, съ такимъ, можно сказать, самоотверженіемъ. Особенно во Франціи, охота говорить про себя превратилась въ совершенную эпидемію, обуявшую всѣ званія, всѣ состоянія. Отъ камердинера Констанана до Князя Беневентскаго, отъ презрѣннаго Видока до колоссальнаго Наполеона — даже женщины, исписали многіе томы записками, въ коихъ предлагають болѣе или менѣе подробную исповѣдь своей жизни, съ ея приключеніями и переворошами, не скрывая никакихъ завѣстныхъ шайнь ея, ни замысловъ, ни промаховъ, ни даже проказъ и шалостей. Чему приписать эту чудную болтливость? Избытку ли искренности и простодушія? Но сіи младенческія добродѣтели, составлявшія украшеніе золошаго Аркадскаго вѣка, не возрастають, а увядають съ лѣтами! Или оскуднѣю стыда и скромности? Но нашъ вѣкъ отличается уваженіемъ къ мнѣнію, которое со дня на день пріобрѣщаетъ колоссальное могущество! Скорѣй можнобъ было извяснить это изъ эгоизма, любящаго спавить себя средоточіемъ общаго вниманія: но тогда — откуда та сила, съ коею онъ покаряетъ себя участіе, оправдывающее и подстрекающее сію болтливость? Явно, что она должна имѣть сама въ себѣ начало занимательности, коимъ поддерживается и распространяется: и это начало должно быть омыскиваемо въ духъ и характеръ современной жизни.

ни. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ вѣкъ отличается тѣмъ, что жизнь частная получила въ немъ особенную важность. Прежде родъ человѣческой жилъ огромными, нераздѣльными массами, коихъ общія движенія вписывались крупными буквами на величественныхъ скрижаляхъ Истории. Нынѣ сія органическая цѣлостъ жизни общественной раздробляется напряженіемъ частныхъ видовъ и интересовъ, кои, особенно въ концѣ прошедшаго и въ началѣ текущаго столѣтія, приобрѣли ужасную силу и значительность. Въ эпоху революціонной дезорганизаціи, жизнь общественная была результатомъ кипѣнія всѣхъ своихъ элементовъ, разложившихся на несмѣтные атомы. Великія событія и перевороты зачинались тогда въ кабинетахъ и въ шавернахъ, въ уборныхъ и въ переднихъ — людьми всѣхъ половъ и возрастовъ, всѣхъ чиновъ и сословій. Частныя ничтожныя обстоятельства, кумовство и сплешни, раздражались сѣдствіями, оглушавшими вселенную. Ліонскія ужасныя душегубства были месстію освищеннаго актера; въ ваннѣ Марата нанесенъ первый ударъ Терроризму; паденіе Директоріи обдуманно за туалетомъ Жозефины. Отсюда очевидна внутренняя занимательность нынѣшнихъ Записокъ: въ нихъ заключается Современная Исторія, такъ сказать, начерно, въ ея первоначальныхъ матеріалахъ.

И наши Записки должны имѣть тоже назначеніе: и у насъ онѣ должны служить также матеріалами для Истории. По крайней мѣрѣ это должно составлять ихъ настоящее достоинство. Но въ

характеръ и тонъ изложенія онѣ не могутъ и не должны сходствовашь съ такъ называемыми *мемуарами* (*mémoires*) другихъ Европейскихъ націй. Сіи послѣднія тѣмъ значительнѣе и любопытнѣе, тѣмъ подробнѣе и мѣлче обстоятельство, въ нихъ сохраняемыя. Но у насъ, гдѣ единая нераздѣльная жизнь протѣкаетъ величественнымъ невозмутимымъ пошюкомъ, можетъ и долженъ господствовать одинъ общій государственный интересъ, поглощающій всѣ біографическія подробности въ своемъ историческомъ величіи. Съ тѣмъ же самоотверженіемъ, какъ историки, наши сочинители записокъ должны сколько можно менѣе занимашься собой и своей личностью; ибо она въ общемъ ходѣ дѣлъ слишкомъ мало имѣетъ значительности. Однимъ словомъ, у насъ *записки* могутъ и должны быть — *автописями*. И съ этой точки зрѣнія должно разсматривашь и цѣнить всѣ ихъ опыты, являющіеся въ нашей словесности.

Недостатки *Записокъ Г. Михайловскаго-Данилевскаго* именно отсюда объясняются. Онѣ исполнены преимущественно мѣлочными подробностями, не имѣющими даже анекдотической занимательности. Исторія не многимъ изъ нихъ попользуется. Обѣды и вечера Мальмезонскіе, описанные Бурьенемъ, былибъ также извурительны для вниманія, еслибъ ими не выяснялись фізіономіи тѣхъ, кои вращали нѣкогда судьбами вселенной.

Записки Адмирала Шишкова, маститаго Нестора нашей словесности, имѣютъ гораздо высшее достоинство. Въ нихъ сохранены многіе важные докуменсты исторіи незабвенной отечествен-

ной войны. Издатель ихъ былъ органомъ воли Монарха, предводительствовавшего Россію на избавленіе Европы. Чувствуя важность столь высокаго назначенія, онъ дышалъ и жилъ одною любовію къ отечеству, коей тогда, можно сказать, былъ посредникомъ между Царемъ и народомъ Русскимъ. Отсюда — всё, сохраненныя имъ въ *запискахъ*, бумаги, замѣчанія, бесѣды, изреченія, имѣющія высокую историческую важность. Почтенный старецъ излагаетъ ихъ съ очаровательнымъ просподушіемъ, безъ всякаго принужденія и искусства, не осыпая излишними похвалами и толкованіями, но предоставляя провинительности каждаго разгадывать полный смыслъ знаменательныхъ указаній.

Скажемъ коротко: *Записки Г. Михайловскаго-Данилевскаго* останутся въ однихъ библиографическихъ воспоминаніяхъ, *Записки Шишкова* будутъ достояніемъ Исторіи! —

— ГАРАЛЬДЪ И ЕЛИСАВЕТА или вѣкъ Іоанна Грознаго. Историческій Романъ. Сочиненіе В. Эртеля. Двѣ Части. СПБ. въ типогр. Шт. Отд. Корп. Внутр. Стр. 1831. — Романъ сей можно прочесть съ удовольствіемъ. Онъ написанъ по-русски правильно, чисто, свободно; и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что языкъ Русскій, къ стыду многихъ нашихъ писакъ, не есть природный языкъ сочинителя. Г. Эртель, по собственнымъ словамъ, *пристрастился* къ нашему языку, почувствовавъ его прелесть. Плодомъ его знакомства съ нимъ былъ сначала переводъ *Исторіи Государства Россійскаго* на Нѣмецкій языкъ. Теперь Г. Эртель

рѣшился попытать силъ своихъ въ оригинальномъ Русскомъ сочиненіи: и мы признаемъ, что эшошь опытъ показываешь знаніе Русскаго языка, какими иные прѣче Русскіе похвалятся не могутъ.

Внутреннее достоинство романа не столько удовлетворительно. Вѣкъ Іоанна Грознаго представленъ въ немъ слабо, скудно и безжизненно. Русскихъ почти нѣтъ на позорищѣ: и если они являются, то дѣйствуютъ не порусски. Ходъ романа подернутъ таинственностію, не свойственною Русской жизни. Все это конечно извинительно: ибо духъ народный изучается труднѣе, нежели языкъ. Но мы не можемъ здѣсь удержаться отъ замѣчанія, которое считаемъ важнымъ не только для будущихъ романистовъ, но и для историковъ Русскихъ. Эпоха Іоанна Грознаго составляетъ доселѣ проблему и проблему — важную! Въ безсмертномъ твореніи знаменитаго Исторіографа, Грозный Царь, память коего живетъ донинѣ въ народныхъ преданіяхъ, является въ двухъ различныхъ видахъ, изумляющихъ своею невѣроятною противоположностію. Крошкій и любезный юноша, побѣдитель Казани и Астрахани, нѣжный супругъ, чувствительный отецъ, добрый другъ, — и люшый, ширанъ, ненасытный сластолюбецъ, кровожадный душегубъ, осквернитель, дѣшоубійца, однимъ словомъ, чудовище соединяющее всѣ преслупленія и ужасы . . . могутъ ли сіи двѣ крайности совмѣститься въ одномъ человѣкѣ?.. Если онѣ совмѣщались дѣйствительно, то переходъ отъ одной изъ нихъ къ другой долженъ былъ произойти не вдругъ, а постепенно. Не смерть Анастасіи, но множества

различныхъ причинъ, накапливаемыхъ годами, могли произвести столь ужасную и необыкновенную перемѣну. У исторіи не достало свѣта, чтобъ озарить ихъ: пусть пособитъ ей романъ вооруженный свѣточемъ фантазіи! Сія важная эпоха, кою Петръ былъ полнымъ разсвѣтомъ, достойна вниманія Русскихъ!

Г. Эртель посвятилъ свой романъ *первопрестольной столицѣ Русскаго Царства, Москвы*. Мы отдаемъ полную справедливость чувству, внушившему сіе приношеніе, и надѣемся, что Москва приметъ оное съ благодарностію.

— *гривенный козакъ, повѣсть Александра Шидловскаго. С. П. Б. въ типографіи Смирдина, 1831.* — Г. Шидловскій, заключая сію повѣсть, говоритъ:

Найдуся люди — сердца грезы
 Безумнымъ бредомъ назовушь;
 И дикаго Кавказа ровы
 Подъ судъ и шодки подпадушь;
 Пустьъ судяшь ихъ! . . . .

. . . . . Имъ судъ не страшень! (с. 111)
 И дѣйствительно — *грезамъ Г. Шидловскаго* чего бояться? Онѣ не могутъ подлежать ни *суду* ни *толкамъ*. Ихъ отличительное достоинство состоить именно въ томъ, что про нихъ сказать нечего. Не лзя назвать ихъ *безумнымъ бредомъ*: ибо въ нихъ есть логическій смыслъ, риторическая связь и грамматическая правильность. Но съ другой стороны ничто не обличаетъ въ нихъ ни искры поэтическаго вдохновенія. Жалкая участь, общая многимъ нынѣшнимъ стихотворе-

ніямъ! Кажешся, ешь все — и мѣра и кадансь
и рифмы, а нѣшь — поэзи. Слова, звучно пере-
ливаюцца въ стройныхъ фразахъ и — ошываюц-
ся нустошой, подобно кивальному бряцанію. Та-
ково н. п. слѣдующее возглашеніе, взятое на вы-
держку изъ *Гребенскаго козака* :

Съ расудкомъ сердце вѣчно въ спорѣ,
Хладиѣ льда — безъ сердца ума,
А сердце безъ ума — пѣснь горе. . .
Тако гдѣ же нашъ Злынукъ? . . . (с. 120)

Чшо-то складно, а — Богъ вѣсть, что! Эца
странная ненѣстижимость — самому поэшу кажет-
ся знакомъ *сердечной полноты* (с. 124): но мы на-
противъ приписываемъ ее мысленной скудосини.
Въ самомъ дѣлѣ большая часть нашихъ пинѣш-
ныхъ стихощворцевъ пускаюцца въ поэзію на по-
щикъ, безъ всякаго подкрѣпленія и запаса; почему
и произведенія ихъ бывають шакъ шощи и без-
сильны. Они не знають сами за что беруться,
что дѣлають. Такъ *Г. Шидловскій* добродушно
признаеться самъ про себя :

Какой то духъ меня воднуешъ,
Причудливо иград мой:
Ему покоренъ я недольно,
Онъ мой верховный господинъ,
Онъ правиць мою своевольно —
Онъ думъ поэша вѣдстелиць!
Но кто сей дивный? я не знаю:
Его велѣнъ мнѣ законъ!

. . . . .
Быть можеть, сядаетъ надъ сплицей,
Мечною сѣждою, блудлицей —
Ее ошъ будиць . . . до, она,

Ему съ участіемъ внимал,
Его пріамы въ не постигал —
Лепечеть бредъ, въ дрематѣ сна;
Вышь можете! . . . Но къ чему сомнѣнье? (с. 166)

Мы также думаемъ; къ чему сомнѣнье! и сожалѣемъ ошъ всего сердца, что эта благодатная увѣренность пробудилась въ поэтѣ при концѣ поэмы, когда, по собственнымъ его словамъ, уже —

. . . совершились упованья (?),

Испишь таинственный фіалъ.

Мелькнулъ, въ цвѣщахъ очарованья,

Души суровой идеаль! (с. 159)

— MÉMOIRE SUR LES CHAINES DE MONTAGNE ET SUR LES VOLCANS DE L'ASIE INTERIEURE ET SUR UNE NOUVELLE ÉRUPTION VOLCANIQUE DANS LA CHAÎNE DES ANDES, par M. Alexandre de Humboldt. Paris, 1831. (записка о цѣпяхъ горъ и волканахъ внутренней Азии и о новомъ волканическомъ изверженіи въ Андахъ; Александра Гумбольдта. Парижъ, 1831). — Разсужденія, читанныя знаменитымъ Гумбольдтомъ, послѣ возвращенія изъ Восточной Россіи, въ Петербургской, Берлинской и Парижской Академіяхъ, и извлеченія, обработанныя изъ нихъ для Нѣмецкихъ и Французскихъ Журналовъ, открывающъ новую эру для познанія Азіятскаго материка. Сія часть свѣта, заслуживающая, сколько своей величиной и разнообразіемъ, сподожь, или еще болѣе, историческимъ спарѣйшинствомъ и первородствомъ въ лѣтописяхъ рода человѣческаго, преимущественное вниманіе, весьма недавно еще, извѣстна была намъ по однимъ тольکو шемнымъ преданіямъ. Наконецъ начало распространяющъ познаніе восточныхъ языковъ; ис-

почники сихъ преданій подверглись розысканіямъ; но ученымъ не доставало яснаго понятія объ Азіятскихъ мѣстностяхъ, которое можешь бышь приобрѣтаемо только чрезъ путешествія, между тѣмъ какъ съ другой стороны путешественникамъ, по большей части, не доставало знакомства съ учеными трудами ориенталистовъ. Гумбольдтъ соединилъ въ себѣ съ глубокой ученостью многостороннюю наблюдательность; и какъ прежнія его сочиненія для Америки, такъ послѣднія для Азіятскаго материка представляютъ богатую сокровищницу, которая можешь и должна служишь образцемъ для будущихъ путешественниковъ.

И такъ теперь пора освободиться отъ смутныхъ преданій, наполняющихъ обыкновенно школьныя наши книги. Чѣмъ больше станемъ мы ихъ забываешь, тѣмъ удобнѣе и легче будетъ намъ учиться: разсѣяніе заблужденій есть уже важнѣйшій шагъ къ истинѣ. Еслибъ мы вздумали измѣнлять направленіе каждаго хребта горъ, превращаешь теченіе каждой рѣки, шамъ вымарываешь, здѣсь прибавляешь — то работъ нашей не будешь конца. Всего лучше, срышь всѣ горы, заваляшь всѣ рѣки и превратишь Азію въ голую доску (*tabula rasa*), дабы создашь все на ней съ изнова. Особенно позднѣйшія приспройки, дѣланныя на ней, такъ рыхлы, что ихъ поправляешь не возможно.

Наши составители латкаршъ не удерживають ся ни какими обличеніями и вездѣ, гдѣ идешь большая рѣка, просягивають необозримые хребты высокихъ горъ, кои разстилаються по бумагѣ такъ роскошь

но, что застилаютъ всю поверхность между Ураломъ и Алтаемъ: они превращаютъ Малый Алтай въ Большой и на оборотъ; знакомятъ насъ съ Алгидин-Цано, котораго сами не знаютъ. Съ ландкартъ списываются компендіи, съ компендіевъ описанія ландкартъ. Изъ обстоятельныхъ опроверженій, данныхъ учеными розыскашелями, Ричцерами, Кларкшами, Абеяни Ремюза, ишторья отдѣльныя истины слишкомъ рѣдко прокрадывались въ школьные учебники. Теперь, когда изслѣдованія очевидцевъ упрочились и разпространились до неслыханной обширности — теперь конечно пора доводить до общаго свѣдѣнія новыя открытія и изгонять ими старыя заблужденія. Правительству платятъ путешественникамъ, для того чтобы они обогащали науку въ дали: не иѣ ли поощренія должны заслуживать труды ученыхъ, которые, оставаясь дома, приспособляютъ извѣстія, собираемыя въ путешествіяхъ, къ улучшенію учебниковъ?

Здѣсь не мѣсто ссылаться на приѣзды; и каждый образованный читатель съ большимъ удовольствіемъ оглядится самъ искать въ новомъ произведеніи Гумбольдта доказательство его занемательности и достоинства. Обратимъ только вниманіе на сдѣланныя имъ открытія огнедышущихъ горъ въ весьма значительномъ отдаленіи отъ моря — открытія, коими разрѣшаются теперь все толки объ опіешеніи дѣйствующихъ вулкановъ къ растоянію отъ морскихъ береговъ. Гора Пе-Шанъ отстоитъ почти на 200 геогр. миль отъ Азіатскихъ морей. Когда Гумбольдтъ возвращался изъ Мексики,

знаменитые геологи дивились рассказамъ его о вулканическомъ изверженіи на равнинѣ Хорулло и о дѣйствующемъ доселѣ волканѣ Попокашениши, между тѣмъ какъ послѣдній отстоитъ отъ моря не далѣе, какъ на 20 миль, а первая еще меньше. Джебел-Колдаги, дымящаяся сопка въ Кордофанѣ, о которой Рюппель слышалъ въ Долголтѣ, впроее ближе къ Черному Мору, чѣмъ Пе-Шацъ къ Индѣйскому. Наконецъ, дожившееся недавно изверженіе пика Толими доказываетъ, какъ неосновательно было мнѣніе тѣхъ, кои утверждали, что въ отдаленныхъ отъ моря частяхъ Андскаго хребта нѣтъ никакихъ дѣйствующихъ волкановъ. Кромѣ Пе-Шана, Гумбольдтъ именуешь много другихъ огнедышущихъ горъ внутри Азіи и даже доказываетъ, что цѣлый краѣ, болѣе чѣмъ въ 1,000 квадратныхъ миль, простирающійся почти на 200 миль отъ берега, состоитъ изъ вулканической почвы.

Къ труду знаменитаго путешественника приложена карта вулкановъ средней Азіи съ означеніемъ ихъ вышины; а въ заключеніи находящіяся замѣчанія Клапрота, переведенныя изъ Китайскихъ и Японскихъ книгъ. Все сіе помѣщено также въ *Nouvelles Annales de Voyages.* (т. 23.)

***

VIII.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

ДОЛГОТЫ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ

въ главнѣйшихъ странахъ Европы и Америки.

Врачебная статистика не достигнетъ совершенства; доколѣ не представитъ врачамъ въ каждой частей земнаго шара сравнительное достоинство различныхъ способовъ лѣченія, исторію каждой болѣзни во всякомъ возрастѣ и климатѣ, распространеніе и уменьшеніе нѣкоторыхъ особенныхъ припадковъ, вліяніе рода занятій, мѣстностей, времени года, образа жизни и ш. п.

Уже дѣланы были многочисленныя и важныя покушенія для усовершенствованія врачебной статистики разныхъ странъ, многихъ городовъ, нѣкоторыхъ госпиталей; но опыты сіи были отдѣльные; до сихъ поръ ни одинъ еще писатель не попытался составить изъ нихъ общаго обзора, соединяющаго въ себѣ результаты, представляемые различными странами, различными заведеніями. Выполненію сего обширнаго труда предстояли многія затрудненія; изъ матеріаловъ, кои мы имѣемъ и которые никакъ не можемъ пополнить въ тѣхъ, остающихся пустыми, промежуткахъ, нѣкоторые еще не достовѣрны, другіе шемны и недостоинны; требовалась величайшая осторожность при ихъ выборѣ. Таковы именно были затрудненія, предстоящія Доктору Гаукицу и

нмъ счастливо преодоленные а). За то и сочинение его должно обратитъ на себя вниманіе всѣхъ, занимающихся медико-статистическими изысканіями и улучшеніемъ судьбы рода человеческого, коему сіи розысканія значительнo содѣйствуютъ, оправдывая его успѣхи.

Врачебная статистика представляетъ яснѣйшія доказательства пользы и дѣйствія медикаментовъ: ею всего легче опровергнуть разпространенное въ народѣ, и иногда даже поддерживаемое невѣжественными медиками мнѣніе, что одной нашумы достаточно для уврачеванія болѣзни, и что въ иныхъ случаяхъ искусство сколькожъ замедляетъ оное, сколько въ другихъ ускоряетъ. Для статистическаго сравненія результатовъ болѣзни, предоставленной на произволъ самой себѣ, и болѣзни, врачуемой по правиламъ искусства, преимущественно изберемъ мы лихорадку, какъ болѣзнь, въ коей нашумъ дѣйствуетъ сильнѣе, нежели въ другихъ, дабы не сказали, что мы обратились къ обстоятельствамъ, наиболее благопріятнымъ искусству, которое защищать намѣреваемся. Гиппократъ оставилъ намъ подробное описаніе 42 больныхъ, пораженныхъ острыми болѣзнями, и въ особенности лихорадками: они ни чѣмъ не пользовались, и 25 изъ нихъ умерло: между шѣмъ какъ нынѣ, при вліяніи искусственной помощи, смертность въ такихъ болѣзняхъ простирается не выше одного на 7, 11, и даже 12 больныхъ смотря по времени,

---

a) Elements of medical statistics, by Bisset Hawkins M. D. London, 1829.

когда начато пользование, или по многимъ обшество-
лительствамъ. Но и теперь, когда больные остав-
ляются на произволъ насуры, обыкновенно одинъ
изъ двухъ умираетъ.

Статистика также представляетъ един-
ственное средство постигать пользу, произтекаю-
щую отъ физическихъ улучшеній мѣстности. Порш-
смуть, на примѣръ, опустошала нѣкогда перемежа-
ющіяся лихорадки, кои сдѣлались несравненно
рѣже съ 1769 года, когда городъ былъ вымощенъ и
осушенъ; между тѣмъ какъ нѣже болѣзни про-
должали свирѣпствовать въ Гильзи и другія мѣ-
стнахъ острова, на коемъ стоитъ Поршсмуть,
до 1796 года, то есть до его окончательнаго
осушенія. Съ тѣхъ поръ народонаселеніе Поршсму-
та безпрерывно возрастаетъ и болѣзни сдѣлались
гораздо рѣже.

Тщешно станемъ мы искать памятниковъ,
коибы свидѣтельствовали о долговѣчности дре-
внихъ. У однихъ только Римлянъ находимъ нѣсколь-
ко фактовъ, въ этомъ отношеніи достойныхъ
вниманія. Если вѣрись свидѣтельству Улліана,
секретаря и главнаго министра Александра Се-
вера, Ценсоры, со время царствованія Сервія
Туллія, вели списки съ означеніемъ лѣтъ, пола, бо-
лѣзни и смерти Римскихъ гражданъ. Въ слѣдствіе сихъ
наблуденій, средней долгошою жизни Римлянъ по-
лагалось шрицать лѣтъ. Взявъ въ Лондонѣ для срав-
ненія, списки обществъ, въ коихъ застраховывается
жизнь, по изслѣдованіямъ Г. Финлейсона, обнимаю-
щимъ сорокъ послѣднихъ лѣтъ, мы находимъ, что
средняя долгоша жизни страховавшихся составляетъ

50 лѣтъ, то есть, срокъ болѣе 20-ю годами, чѣмъ у Римлянъ. А какъ среднюю долгою жизни, во всей Англіи вообще, можно положить 45 лѣтъ, то у насъ, различные классы общества пользуются преимуществомъ 15 лѣтъ предъ достаточными классами Римлянъ. Нынѣ во Флоренціи, долгога жизни всего народонаселенія вообще таже, что была въ шретьемъ столѣтіи въ Римѣ, для достаточныхъ классовъ народа.

Христіанской вѣрѣ обязаны мы, возобновленнымъ въ новѣйшія времена, обыкновеніемъ вести списки родящимся и умирающимъ. Опустошенія, произведенныя чумою, побудили Генриха VIII вести таковыя списки съ болѣею исправностью.

Въ Женевѣ сохраняются веденныя съ 1560 года списки умершимъ, весьма любопытныя по своимъ результатамъ. Изъ нихъ видно, что средняя долгога жизни въ семъ городѣ, во время реформаціи, не превышала 18 лѣтъ; въ семнадцатомъ вѣкѣ простиралась до 23, въ осмнадцатомъ до 32, и наконецъ нынѣ дошла до 36 лѣтъ.

Первый писатель, обратившій вниманіе на сей важный предметъ, былъ Капитанъ І. Граншъ (около 1661 года), котораго по справедливости назвать можно творцемъ Статистики. Долго спустя послѣ него, явился Зюсмилхъ, который, слѣдуя понятиямъ Монтескё и многихъ древнихъ писателей, полагалъ, что Европѣ, для размноженія рода человѣческаго, нужно особенное, новое законодательство, и что правительства вообще обязаны заняться умноженіемъ числа браковъ. По

его мнѣнію, среднее число умирающихъ въ цѣлой вселенной должно составлять 1 на 36. Бюшингъ, знаменитый географъ того же времени, определялъ смертность однимъ на 32 и далѣе до 37. Восемьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и удивительныя улучшения въ физическомъ быту чело- вѣка развились поспешенно. За то, въ раз- ныхъ сиранахъ земнаго шара, число ежегодно умирающихъ уменьшается, на Британскихъ же островахъ долгота жизни почти удвоилась, если сравнишь показанія, данныя Бюшингомъ, съ тѣми, кои даны въ 1821 году, и по коимъ видно, что въ Англіи и Княжествѣ Валлійскомъ умираетъ только одинъ на 60.

Въ четырнадцатомъ столѣтіи, чума, про- някшая изъ сѣверо-запада Азіи въ Европу и до- шившая Англію, испребила по меньшей мѣрѣ по- ловину ея народонаселенія. Слѣдующіе столѣтія не представляютъ никакихъ средствъ опредѣлить смертность; первыми, вѣрными результатами обязаны мы ревизіямъ, производимымъ чрезъ каждое десятилѣтіе.

Въ 1778 смертн. въ Англ. и Кн. Вал.	была 1 на 40
1790	1 43
1801	1 47
1811	1 52
1821	1 58

Незначительность уменьшенія смертности съ 1790 по 1800 годъ произошла безсомнѣнія отъ голода, свирѣпствовавшаго въ Англіи съ 1795 до 1800 года. Вышеприведенное изчисленіе составлено въ массѣ для Англіи и Княжества Валлійскаго вообще; но,

взявъ каждое Графство отдѣльно, увидимъ значительную разницу; въ этомъ отношеніи, Миддлсексъ и Суссексъ представляють двѣ крайности. Въ первомъ смертность была, въ 1821, одинъ на 47; во второмъ — одинъ на 72. Различіе сіе въ особенности происходитъ отъ значительнаго перерѣса городского народонаселенія въ Миддлсекскомъ Графствѣ а). Однакожь и въ другихъ мѣстахъ, имѣющихъ самое невыгодное положеніе, смертность значительно уменьшается. Такъ въ Миддлсексъ, гдѣ, какъ видно изъ вышесказаннаго, въ 1801, умиралъ одинъ на 47, въ 1811 умеръ одинъ на 36.

И не въ одной Англій обнаруживается сіе естественное улучшеніе судьбы человѣческой чрезъ уменьшеніе смертности: оно замѣтно во всѣхъ странахъ, только въ меньшей пропорціи, какъ явствуетъ изъ нижеслѣдующей таблицы:

	УМЕРШИХЪ	ЖИТЕЛЕЙ.
Англія и Кн. Вал.	1 на (1780)	40 (1821) 60
Кавш. Вадпландъ	1	49
Швеція	1 на (1775)	35 (1823) 48
Голландія	1 на (1750)	23 (1827) 48
Франція	1 на (1781)	29 (1823) 40
Америк. Соед. Шт.	1 на	40
Пруссія	1 на	35
Королев. Неапол.	1 на	34

а) Миддлсекское Графство есть одно изъ главныхъ подраздѣленій Лондона; остальные два, какъ названо, суть: Городъ (City) и Вестминстеръ. Каждое изъ сихъ отдѣленій имѣетъ своихъ чиновниковъ и свое судопроизводство.

Виртембергъ	1 на	33
Новая Испанія	1 на	30
Венеціанскія провинціи	1 на	28

Во Франціи всегда существовало большое разнообразіе въ физическомъ устройствѣ обитаемыхъ разныхъ провинцій, и слѣдственно въ степеняхъ ихъ смертности. Дѣйствиемъ конскрипціи дознано различіе, существующее между людьми въ строеніи тѣла, въ способности переносить воинскіе труды, въ качествѣ и количествѣ болѣзней, не входящихъ въ общую категорію. Такъ, на примѣръ, когда, съ 1816 до 1823 года, молодые конскрипты въ Парижѣ должны были имѣть росту по крайнѣйшій мѣръ 5 фут. 2 верш. и полнѣннй, въ Со и Сен-Дени прѣбовалось ошъ нихъ не болѣе 5 фут. верш. и $9\frac{1}{2}$ лннй. Въ Ронскомъ Департаментѣ существовало точно такоеже различіе между конскриптами Ліона и Виль-Франша.

Чѣмъ избыточнѣе провинція, тѣмъ слабѣе въ ней смертность. По сей-то причинѣ въ департаментахъ Калвадосскомъ, Орнскомъ и Сардскомъ, умираешъ ежегодно изъ 50 жителей только одинъ. Въдвухъ первыхъ, четвертая часть даннаго количества людей кончаешъ жизнь до 5 лѣшняго возраста, половина до 45, три четверти до 70 лѣтъ; между тѣмъ какъ въ Департаментахъ Индрскомъ и Шерскомъ, весьма бѣдныхъ, четвертая часть умираешъ на первомъ году, половина между 15 и 20, три четверти до пятидесяти лѣтъ. Вообще, во Франціи половинное число дѣшей доживаетъ до 20, а четвертая часть до 45 лѣтъ.

Въ Пруссiи, народонаселенiе быстро возрастаетъ. Каждый годъ, начиная съ 1816 до 1824 года, число родившихся превышало число умершихъ 172,000 ми: въ слѣдствiе чего должно предположить, что чрезъ 26 лѣтъ народонаселенiе государства сего должно удвоиться. Таковое увеличенiе зависитъ сколько отъ уменьшенiя смертности, столько отъ умноженiя количества родящихся. Количество бракосочетающихся здѣсь значительнѣе, нежели гдѣ либо, по причинѣ удобства разводовъ. Въ 1817 году, ихъ было одинъ на 37 супружествъ. Кажется однако, что съ нѣкотораго времени пропорцiя уменьшилась.

Въ Баварiи, какъ замѣчено, шѣ мѣста, въ коихъ наиболѣе помѣщичьихъ владѣнiй, населены менѣе прочихъ. Въ нихъ смертность простирается отъ 1 на 29 до на 38, въ различныхъ классахъ народа.

Изъ наблюденiй Профессора Кудлера, исключительно занимавшагося статистикой южныхъ естранъ, слѣдуетъ, что, судя по настоящимъ успѣхамъ народонаселенiя въ Австрiи, поспрѣбно не менѣе 150 лѣтъ, для удвоенiя народонаселенности Венгрии, 176 для Нижней Австрiи, 230 для Богемiи, 248 для Галицiи, и 296 для Моравiи; одной Смирiи болѣе благопрiятствуютъ обстоятельство. Сiи достопримѣчательные факты показываютъ, сколь медленными шагами Австрiйскiя провинцiи подвигаются къ общественному благосостоянiю.

Результаты свидѣнiй, доставляемыхъ Россiей, такъ необыкновенны, что едва можно имъ въ-

рять. Таблицы смертности, обнародуемые официально, изумительны: Онъ богаты образцами необыкновенной долговѣчности.

По достовернымъ свѣденіямъ, обнародованнымъ съ дозволенія Австрійскаго Правительства, смертность въ Венеціанскихъ провинціяхъ составляетъ 1 на 28. Голодь свирѣпствовавшая въ 1815, 1816 и 1817 годахъ, значительно уменьшивъ число рождающихся и вступающихъ въ бракъ, увеличилъ количество умирающихъ, до того что въ 1817 году умиралъ одинъ изъ 14. Въ 1766 народонаселеніе простиралось до 361,491 семейства, а въ 1827 до 397,098 семей. Сіе слишкомъ малое приращеніе есть одно изъ пагубныхъ послѣдствій несчастій, угнѣтавшихъ Италію.

Въ Америкѣ, какъ и въ Европѣ, сѣверныя области имѣютъ великое преимущество предъ областями южными. Смертность Соединенныхъ Штатовъ въ одинаковой съ Франціей пропорціи, шо есть: въ здоровыхъ мѣстахъ умираетъ 1 на 56, въ менѣ здоровыхъ 1 на 35. Южная Америка въ этомъ отношеніи извѣстна намъ только по описанію Г. Гумбольдта. Съ самаго начала къ Новой Испаніи были привиты все пороки нашей Испаніи, и въ особенности весьма неравный раздѣлъ недвижимыхъ имуществъ. Сіе обстоятельство, и великое множество убогихъ Индѣйцевъ, дѣйствительно уступающихъ Европейцамъ въ усердіи и промышленности, долгое время препятствовало успѣхамъ народонаселенія. Количество рождающихся и умирающихъ находится тамъ въ значительной пропорціи, что доказываетъ прежде-

временность браковъ и смерти подъ шропиками и бышпрому, съ коей каждое поколѣнiе исчезаетъ.

Островъ Бурбонъ представляетъ достопримечательные примѣры различiя между смертносшю Французскихъ колонистовъ и смертносшю Негровъ свободныхъ и невольниковъ. У первыхъ ежегодно умираетъ 1 на 44, между тѣмъ какъ число рождающихся находится въ пропорщи 1 къ 24. У Негровъ рабовъ видимъ совершенно прошивуположное. Ихъ народонаселенiе, съ 1818 до 1824 года уменьшилось шестою долей, и уменьшается еще бышпрѣе, икакъ что владѣльцы предвидятъ уже близкую необходимость покинуть часть земли, донинѣ еще воздѣлываемую. Сiе ужасное уменьшенiе происходитъ частiю отъ избытка мужчинъ въ сравненiи съ количествомъ женщинъ: первые содержатся къ послѣднимъ, какъ 28 къ 17. Чшожь касается до Негровъ свободныхъ, шо у нихъ умираетъ меньше даже, чѣмъ у Французскихъ колонистовъ: пошому что, между прочими выгодами, они живутъ въ климатѣ, соотвѣтствующемъ тому, въ коемъ родились. Смертносшь ихъ составляетъ 1 на 62.

Во всякое время замѣчаемо было, что людей умираетъ болѣе въ городахъ, чѣмъ по деревнямъ. Различiе это еще ошущительнѣе въ первые года жизни. Напримѣръ: въ Лондонѣ умираетъ 5 милiонныхъ дѣшей несравненно большее количество, нежели въ деревняхъ; отъ 5 до 20 лѣшъ, умираетъ уже гораздо менѣе; но отъ 20 до 50, смертносшь въ Лондонѣ оиашь возрастаетъ. Сiе послѣднее должно приписать большому количеству иностранцевъ, прибывающихъ шуда въ возмужаломъ возрастѣ,

кои привыкнувъ съ дѣтскихъ лѣтъ къ частому движенію, чистому воздуху и простой пищѣ, принуждены вдругъ принять совершенно другой образъ жизни, вредный для нихъ, хотя тотъ же образъ жизни несравненно менѣе вредитъ людямъ, привыкшимъ къ нему съ дѣтства. За 50 лѣтъ смертность въ Лондонѣ опять слабѣе, нежели въ деревняхъ.

Дженнеръ и недавно Докторъ Баронъ а) производили достойныя замѣчанія опыты надъ животноными, доказывающіе пагубное вліяніе недосыпна въ чистомъ воздухѣ и перемѣны обыкновенной пищи. Докторъ Баронъ заперъ нѣсколько молодыхъ здоровыхъ кроликовъ въ тѣсное пространство, и давалъ имъ малопитательную пищу; черезъ мѣсяць одинъ изъ нихъ умеръ, и тѣло его представило первую степень органическаго разстройства, во множествѣ небольшихъ, прозрачныхъ пузырьковъ (hydatides), покрывавшихъ пе-

---

(1) Докторъ Баронъ принадлежишь къ числу врачей, исключительно изслѣдовавшихъ начало чахотки, посредствомъ микроскопическихъ наблюдений. По увѣренію сего писателя, шруды коего мало извѣстны во Франціи, пузырьки, появляющіеся въ разныхъ органахъ, и производящіе чахотку, въ началѣ своего существа небольшіе пузырчатые червяки, которые довольно часто находятся въ органахъ у человека и у другихъ животныхъ. Онъ полагаетъ, что сіи маленькіе одушевленные пузырьки со временемъ измѣняются въ существъ, и послѣ многихъ посещенныхъ превращеній, образуютъ на концѣ пузырчатыхъ массы, которыя разпространяются по средѣ тканей и, смягчась, оставляють на нихъ обширныя вредныя раны, причиняющія смерть чахоточнымъ.

честь. Второй умеръ девять дней спустя послѣ перваго, и болѣзнь его въ печени перешла уже въ состояніе пупыршковъ. Печень шретьяго, умершаго еще чешырьмя днями позже, до того наполнилась пупыршками, что доведена была почти до совершеннаго органическаго разстройства. Четвертый, умершій послѣ, былъ почти въ такомъ же положеніи. Тутъ докторъ Баронъ перевелъ шрехъ остальныхъ кроликовъ въ удобнѣйшее мѣсто, и они вскорѣ выздоровѣли. Подобныя опыты и надъ другими звѣрыми имѣли всегда одинаковыя резульшаны.

Впрочемъ хотя смертность сильнѣе въ городахъ, нежели въ сельскихъ мѣснахъ, однакожъ и тамъ она уменьшается значительнымъ образомъ, и уменьшеніе сіе въ нѣкошорыхъ городахъ замѣшнѣе даже, чѣмъ по деревнямъ. Вошь почему въ то самое время, какъ столица Англій разпротраивалась по всѣмъ направлѣніямъ и число жителей ея возрастало до невѣроятности, или другими словами, когда, по видимому, скоплялись самыя невыгодныя для ней обстоятельства, она, напротивъ, становилась болѣе и болѣе благоприятнымъ для здоровья мѣстопребываніемъ. Въ 1697 году умерло въ Лондонѣ 21,000, въ 1797 не болѣе 17,000: а какъ увеличилось въ промежутокъ сихъ эпохъ народонаселеніе Лондона! Но всего удивительнѣе, что сіе улучшение здоровья наиболѣе сдѣлалось замѣшно за 50 или 60 лѣтъ предъ симъ, то есть съ того времени, какъ предѣлы и населеніе Англійской столицы наиболѣе разпротранились. Въ срединѣ истекшаго столѣтія умиралъ тамъ 1 изъ 20; въ 1811 году 1 изъ 38; и вѣроятно, при

будущей ревизіи окажется і на 48. Отсюда явно, что въ печеніе 70 лѣтъ смертность сшала вполнину менше въ этой обширной столицѣ — чему не бывало примѣра ни въ какой странѣ, ни въ какую эпоху исторіи. Изъ всѣхъ Европейскихъ городовъ, одинъ только, въпорый въ Англіи по количеству обывателей, можешъ въ этомъ отношеніи сравниться съ Лондономъ. Въ Манчестерѣ, въ 1750 году, смертность была одинъ на 25; въ 1770 одинъ на 28; въ 1811 одинъ на 74; и съ того времени не преставала уменьшаться, такъ что въ продолженіе 60 лѣтъ народонаселеніе Манчестера болѣе нежели учетверилось, къ чести Докторовъ Персиваля и Ферьяра, коцъ содѣйствовали введенію въ Манчестерѣ спасительныхъ мѣръ для здоровья, особливо въ отношеніи къ провѣтриванію.

Разсуждая о смертности въ городахъ мануфактурныхъ, обыкновенно съ такою быспроіою разпространяющихся, должно замѣшить, что безпрерывное прибытіе взрослыхъ работниковъ, должно производить болѣе выгодные результаты, нежели заспавивающееся народонаселеніе, составленное изъ людей всѣхъ возрастовъ.

Впрочемъ не въ однихъ городахъ Англіи замѣтно сіе поспепенно возрастающее улучшение судьбы человѣческой; оно проявляется и въ прочихъ странахъ земнаго шара; въ одномъ мѣстѣ скорѣе, въ другомъ медленнѣе; только въ Англіи ходъ его неоспоримо быспрѣе, чѣмъ гдѣ либо.

„Съ заключенія послѣдняго мира, правительства главнѣйшихъ странъ Европы обратили осо-

бенное вниманіе на спатистипу; мы имѣемъ нынѣ поучительныя наблюденія надъ всѣми почти странами, городами и больницами швердой земли; и по ихъ результатамъ можемъ сдѣлать важное заключеніе, что смертность въ городахъ и больницахъ Великобританіи несравненно слабѣе смертности другихъ Европейскихъ государствъ; это превосходство не ограничивается нѣкоторыми особенными классами народа или нѣсколькими округами Англій; нѣтъ — куда ни обратимъ взоры, вездѣ видимъ тоже а). Здѣсь

а) Опроверганіе сего невозможно; голосъ событій громче всѣхъ умствованій и предразсудковъ. При всемъ шумѣ почишаемъ преувеличенною пропорцію одного умирающаго на 60 живущихъ. Не то, чтобы была здѣсь прибавка въ числахъ; онѣ совершенно сходны съ ошчешами: но, кажешся, въ сихъ послѣднихъ не съ такою точностію, какъ н. п. во Франціи, означешся количешво рождающихся и умирающихъ. Здѣсь обращаютъ особенное вниманіе на сей предметъ, и если иногда бывающъ опущенія, то случаи сіи, слишкомъ рѣдкіе, не могушъ имѣть вліянія на общій результатъ. Въ Англій, иное дѣло; тамъ нѣтъ гражданскихъ списковъ народонаселенія, и опшчешся не рожденіе и кончина, а крещеніе и похороны; а какъ дѣшей не всегда крестяшъ немедленно по рожденіи, но сообразно съ обстоятельствами и волей родителей, и даже совсѣмъ не крестяшъ у нѣкоторыхъ секшаторовъ, н. п. у анабапшшсовъ, квакеровъ и пр., коихъ число довольно велико, то неминуемымъ слѣдствіемъ того должно бытъ наружное уменьшеніе смершности, особенно значительное потому, что смершь чаще поражаешъ людей въ первые два мѣсяца ихъ существованія. Безошибочно предположшш можно, что въ сіи два мѣсяца умираешъ одно дшша изъ 7 и 8.

преимущественно предъ всѣми другими странами, равно наслаждаются выгодами, способствующими продолженію жизни — и богачь и нищій, и морякъ и солдатъ, и заключенный въ тюрьму узникъ. На чемъ же основываютъ свои нападки люди, возстающіе противъ климата Англіи, и въ особенности противъ атмосферы Лондона?"

Здѣсь Докторъ Гаукинсъ задаетъ новый вопросъ, котораго изслѣдованія его разрѣшить не могутъ. Неужели полагаешь онъ, что сіе превосходство, коимъ онъ по праву гордится, зависитъ отъ того, что климатъ Англіи здоровѣе, нежели гдѣ либо? Все опровергаетъ такое мнѣніе. Вѣроятно, своимъ постановленіямъ, законодательству, просвѣщенію народа и благосостоянію положительному и вещественному, обязана Англія улучшеніями, дающими ей преимущество предъ другими странами, кои болѣе ущедрены природой, но въ коихъ постановленія, менѣе благопріятныя благу людей, останавливаютъ или замедляютъ ихъ успѣхи. Какъ бы то ни было, вошь сравнительная смертность нѣкоторыхъ странъ Европы и Америки:

	УМЕРЛО	ЖИТЕЛ.
Манчестеръ	1 на	74
Бостонъ	1	49
Гласгоу	1	47
Бирмингамъ	1	43
Женева	1 . (1560)	18 (1820) 43
Лондонъ	1 . (1750)	20 (1821) 40
Портсмуть	1 . (1800)	28 (1811) 38

Петербургъ	I	37
Ливорна	I	35
Нью-Йоркъ , всего наро-		
допаселенія	I	35
бѣлыхъ	I	40
черныхъ	I	10
Берлинь	I . (1755) 28 (1822)	34
Парижь	I . (1650) 25 (1821)	32
Барселоа	I	32
Лионъ	I	32
Филадельфія , всего на-		
родонаселенія	I	31
бѣлыхъ	I	34
черныхъ	I	19
Ница и Палермо	I	31
Флоренція	I	30
Мадришь	I	29
Неаполь	I	28
Стокгольмъ	I	26
Брюссель	I	26
Римъ	I	25
Прага	I	24
Амстердамъ	I . (1777) 27 (1826)	24
Вѣна	I . (1750) 20 (1822)	22

Уменьшеніе смертности въ Парижь имѣло быстрые успѣхы, особенно въ теченіе послѣднихъ годовъ. Она, по наблюденіямъ Г. Виллерме; въ XIV вѣкѣ составляла 1 на 16 или 17. Въ семь городѣ нѣкогда количество умирающихъ значительно превышало число родящихся; нынѣ видимъ совершенно прошивуположное. }

Въ С.-Петербургѣ, въ 1813 и 1822 годахъ, число родившихся къ числу умирающихъ содержалось еще, какъ 100 къ 134.

Смертность въ Вѣнѣ близко подходитъ къ смертности Петровъ Нью-Йорка и Филадельфій. Въ продолженіе 70 лѣтъ, уменьшилась она только отъ 20 до 22. Малозначительность сія, въ сравненіи со множествомъ другихъ городовъ, ужасна; но она есть неминуемое слѣдствіе господствующаго тамъ пристрастія къ мѣлочамъ, оштрафленія отъ всякаго рода нововведеній, ограниченія дѣйствій врачебнаго искусства, и политическихъ причинъ, о коихъ здѣсь говорить не мѣсто. Чрезвычайная попечительность правительства, вмѣшивающагося въ самыя простыя и обыкновенныя дѣла гражданъ, похожа на поступки безразсудно заботливаго отца, который препятствуетъ развитію благодѣльныхъ, полезныхъ склонностей дѣтей своихъ, и въ тоже время предоставляетъ имъ полную свободу на величайшіе пороки.

Въ Ливорнѣ, гдѣ умираетъ 1 изъ 35, а рождается одинъ на 25, во всемъ народонаселеніи вообще, замѣтно достопримѣчательное различіе между католиками и не католиками (протестантами и Евреями). У сихъ послѣднихъ ежегодно рождается одинъ на 39, а умираетъ одинъ на 49. Сіе различіе въ смертности само собой объясняется изъ того что сія часть народонаселенія богаче другой; меньшее же количество родящихся зависитъ безъ сомнѣнія отъ закона, хотя еще не общепринятаго, но основаннаго на многократныхъ опытахъ — закона, что количество родящихся умень-

шается въ народѣ по мѣрѣ успѣховъ его въ просвѣщеніи и приближенія къ благосостоянію обществу.

Битва при Ватерлоо, повидимому, произвела пагубное дѣйствіе на смертность въ Брюссель: ибо въ послѣдовавшіе за ней годы, обыкновенная пропорція умирающихъ совершенно измѣнилась.

Упадокъ торговли и политическіе перевороты въ Амстердамѣ уменьшили его народонаселеніе и существеннымъ образомъ увеличили въ немъ смертность. Въ 1814 году, въ эпоху смутеній, городъ сей считалъ 6,128 новорожденныхъ; въ 1815 состояніе города улучшилось, ибо число родившихся простиралось до 7,050. Когда Амстердамъ, изъ всѣхъ Европейскихъ городовъ былъ самымъ цвѣтущимъ, тогда былъ и самымъ здоровымъ городомъ: въ немъ умирало не болѣе одного на 27 жителей, — весьма выгодная для того времени пропорція. Но вмѣстѣ съ благосостояніемъ, онъ утратилъ и сіи выгоды: такъ что нынѣ можно почесть его и самымъ нездоровымъ и наименѣе цвѣтущимъ изъ всѣхъ Европейскихъ городовъ.

(до слѣдующей книжки).

IX.

ОБЪ УМЕРЩВЛЕНІИ ГРАФА КАПОДИСТРІЯ.

ПИСЬМО Г. ЭЙНАРА КЪ ИЗДАТЕЛЮ ФРАНЦУЗСКАГО
ЖУРНАЛА ПРЕИЙ. а)

Парижъ, 26 Октября и. с.; 1831.

Милоспивый Государь!

Графъ Каподистрїя умерщвленъ. Пишу слова сіи, удручаемый скорбію. Сей добродѣтельный мужъ, пожертвовавшій всею своему отечеству, палъ самъ жертвою личнаго мщенія. Еще не извѣсны подробности сего ужаснаго событія, лишившаго Грецію величайшаго ея гражданина, единой истинной опоры и защиты ея предъ Державами.

а) Переводъ сего писма полученъ издателемъ при слѣдующей запискѣ: „М. Г. Умерщвленіе Президентша Греціи Графа Каподистрїя есть одно изъ величайшихъ преступленій нашего времени. Прошу васъ помѣстивши въ вашемъ Журналѣ переводъ писма о семъ горесѣнномъ событіи отъ Г. Эйчара къ Издателю Французскаго Журнала Преиій. Въ этомъ письмѣ вѣрно изображена добродѣтельная, свѣтлая душа Графа Каподистрїя. Я имѣлъ счастье испытать надъ собою безпримѣрную доброшу его, крошкое благосклонное его обхожденіе. Дѣла Каподистрїя принадлежатъ исторіи, но благодарные современники не должны ли сохранить для потомства и добродѣтели частной его жизни? Благодаря къ священной памяти мужа незабвеннаго, посрадавшаго во время великаго суженія своего человечеству, я желаю великаго суженія его и мою лепшу признательности. Имѣю честь быти и пр.“

Д. СЕЕРБЕЕВЪ.

4 Ноября 1831.

Греки всѣхъ партій позже узнають всю великость сей пошери. Они скоро увидяшь, что Графа Каподистрія замѣстить не возможно и когда изслѣдуютъ всѣ дѣла его, то узнаютъ въ немъ лучшаго изъ чловѣковъ.

Президенція Греціи былъ созданъ по образцу древнихъ. Онъ имѣлъ строгія правила прямымъ и честны, удалялся отъ всякаго тщеславія, презиралъ порицаніями несправедливыми, жертвовалъ всѣмъ своимъ достоинствомъ Греціи и съ преклонною ревностію продолжалъ дѣйствовать для образованія своего опечесства.

Никто не обладалъ качествами болѣе драгоценными. Онъ имѣлъ много ума и образованности, былъ трудолюбивъ, руководствовался правилами рѣдкой честности и прямоты, былъ простъ въ жизни обыкновенной, чуждъ всякой гордости и не любилъ эпитета. Со всѣми сими добродѣтелями соединялась въ немъ совершенная довѣрленность къ Промыслу. Во многихъ своихъ письмахъ, въ коихъ всегда упоминаешь онъ о трудахъ своихъ на пользу Греческаго народа; всегда, въ заключеніи, прибавлялъ онъ слѣдующія слова: „впрочемъ я полагаю всю надежду на будущее. Богъ словъ явно покровительствовалъ Греціи, что и въ семъ случаѣ конечно будетъ ей покровительствовать.“

Переписка Графа Каподистрія есть образецъ мудрости, шаланша, прозорливости. Трудно представить себѣ все, что намѣревался онъ совершить для Греціи — всѣ полеченія его о просвѣщеніи юношества, единой вѣрной надеждѣ.

ды Греціи, какъ говорилъ самъ онъ. Но его скромность и самоопроверженіе были споль велики, онъ имѣлъ споль сильное отвращеніе къ тѣмъ, которые увлекаются суешностію, что всегда запрещалъ мнѣ помѣщать въ журналахъ отрывки изъ его писемъ, и я получалъ отъ него упреки за ихъ помѣщеніе, прежде нежели изъявлялъ онъ на по свою волю. Если бы письма сіи были извѣсны, то какъ бы удивились, узнавъ о всѣхъ улучшеніяхъ, совершенныхъ въ его управленіи, узнавъ всѣ великія качества сего добродѣтельнаго челоѣка?

Смерть Президента есть бѣдствіе для Греціи, есть, говорю смѣло, несчастіе Европейское; ибо онъ одинъ былъ по звено, которое соединяло Греціи съ образованною Европою. Не должно вѣрять журнальнымъ спашьямъ клеветниковъ. Графъ Каподистрія имѣлъ за себя большинство Греческаго народа. Онъ былъ любимъ, уважаемъ всѣми жителями Греціи. Я смѣло утверждаю, не боясь опроверженій отъ путешествовавшихъ внутри Греціи, что Президента почтили памъ какъ отца и что кончина его будетъ оплакиваема всѣми.

Враги Каподистрія, даже тѣ Идріоты, кои начали возмущеніе, скоро будутъ жалѣть о немъ. Время это докажетъ.

Президентъ былъ челоѣкъ превосходный во всей силѣ эшаго слова. Самые недостатки его (какъ челоѣка государственнаго) были добродѣтели. Онъ имѣлъ споль сильное отвращеніе къ малѣйшему уклоненію отъ справедливо-

сти, чтоб не щадилъ людей пронирыливыхъ и корыстолюбивыхъ распочиселей общественнаго имущества. Слѣдовательно онъ долженъ былъ имѣть враговъ.

И мудрено ли, что сія знаменитая жертва имѣла своихъ хулителей, когда мы видимъ здѣсь во Франціи, что люди, подававшіе, въ печеніе пятнадцати лѣтъ, столь несомнѣнные доказательства патриотизма и приверженности къ благоразумной свободѣ — едва по истеченіи года — ежедневно обвиняются прежними своими друзьями, съ шюю же язвительностію, съ какою нѣкоторые изъ Грековъ нападали на Графа Каподистрія?

Заключаю письмо сіе, помѣщая въ доказательство привязанности Грековъ къ ихъ Президенту одинъ изъ многихъ адресовъ, которые поднесены были ему послѣ происшествій въ Паросѣ. Адресъ сей былъ напечатанъ между официальными спашьями Греческаго Вѣспника оиъ 27-го Сеншября.

„Протешъ Главнаго Начальника и всѣхъ начальниковъ Пелопонесса.“

„Воины Пелопонесса изъявляютъ, предъ Богомъ и людьми, чувство своего соболъзнованія и скорби о томъ жалостномъ положеніи, въ которое люди коварные и дерзновенные спаряютъ сввергнувъ опечество, чтобы достигнуть гибельной цѣли собшвенныхъ своихъ выгодъ.“

„Народъ Греческій былъ близокъ къ уничтоженію, когда, по вдохновенію Божію, вѣбрилъ онъ кормило правленія въ руки мужа опышнаго

„искуснаго, могущаго спасти отечество, подъ не-
„кровищельственной эгидою союзныхъ Державъ.“

„Опьянность его, прямоша и отеческое
„правленіе, въ самомъ началѣ, удержали шѣ
„беспорядки, которые до прибытія его совер-
„шались на сушѣ, и прекратили грабительства
„на морѣ. Греки разстѣнные, скишающіеся, бѣд-
„ствующіе и опечаленные, возвратились въ свои
„жилища; народъ началъ образоваться нравствен-
„но и политически и стремиться исполненіями
„шагами къ своему политическому возрожденію,
„къ своей общественной гражданственности.“

„Но люди, ступившіе на землю Греціи, съ
„намѣреніемъ ненавидѣлаго преобладанія, хотя бѣ
„шо было надъ развалинами отечества, видя,
„что правленіе Графа Каподистрія уничтожаетъ
„ихъ замыслы, прибѣгли къ оскорбленіямъ и клевет-
„амъ прошивъ сего отеческаго правленія, дабы обо-
„льстивъ людей простодушныхъ и исполнить
„свои намѣренія.“ (Слѣдуютъ подробности о сомне-
„ніи Флора).“

„Глубоко пораженные симъ несчастіемъ, во-
„ины Пелопонесса шоржественно пропещуютъ
„прошивъ сихъ измѣнниковъ, кто бы таковы они
„ни были, и шребуютъ на нихъ суда отъ Бога,
„отъ шрехъ союзныхъ Державъ, отъ всего міра.“

„Сей шоржественный пропещъ подносятъ
„они Правительству, прося его напечатать, дабы
„они послужили во свидѣтельство невинности
„Греческаго народа и могъ, сохранивъ ему высокія

„милости прехъ великихъ покровительствующихъ
„Державъ.“

„Триполца $\frac{3}{15}$ Августа 1831.“

„**Θ. Колокотрони. Д. Рапунасъ. Н. Япрохось.
М. Анастаропулось. А. Папацорись. М. Петро-
вась. Г. Хелюшвь и дрр.**“

Прежде нежели окончу, не могу удержат-
ся, чтобы не помѣстить нѣсколько строкъ изъ
последняго письма, писаннаго ко мнѣ незабвеннымъ
мужемъ, коего оплакиваю,

„Навпаіа 26 Сентября 1831.“

„Нѣкоторые люди и нѣкоторые журналы не
„совсѣмъ довольны Греческимъ правленіемъ. Я
„этому не дивлюсь, судя по ихъ политическимъ
„мнѣніямъ: но одно шолько свидѣтельство кажеш-
„ся мнѣ не опровергаемымъ, свидѣтельство со-
„бытій, а событія доказываютъ, что Прави-
„тельство удалило ошь дѣлъ и ошь службы, шоль-
„ко тѣхъ, которые пронырсивовали и дѣйстви-
„вали противъ существующаго порядка вещей и
„старались его низпровергнушь. Генераль Шней-
„деръ, прибывшій во Францію, надѣюсь, дастъ ша-
„кія свѣденія, который не будутъ неблагопріят-
„ны для Греческаго Правительства.“

Президентъ прибавляетъ, упоминая о слу-
чавшихся произшествіяхъ:

„Ни страхъ интригъ и людей въ нихъ учав-
„ствующихъ, ни страхъ длинныхъ колоннъ нѣко-
„торыхъ журналовъ, не заставлятъ меня уклонить-
„ся съ нуши моего. Пусть говорятъ и пишутъ
„что хотятъ. Въ послѣднихъ времени, людей
„судятъ не потому, что говорили и писали

„объ ихъ дѣлахъ, но по свидѣльству самыхъ
„дѣлъ. Вѣрный сей мысли, жилъ я въ свѣтѣ,
„основываясь на сихъ правилахъ, до запада дней
„моихъ — и мнѣ было хорошо. Теперь: мнѣ уже
„не возможно измѣниться: Я буду дѣлать, что дол-
„жно: пусть будетъ, что будетъ.“

Вы безъ сомнѣнія извините, М. Г. обширность
моего письма и примете участіе въ моей скорби,
позвольте мнѣ защищать въ журналъ вашень па-
мять одного изъ прекраснѣйшихъ характеровъ
нашего вѣка. а)

Повторяю съ сугубою горестію: злодѣй,
умерщвившій Графа Каподистрія, умерщвилъ свое
отечество.

Эйнарь.

IX.

НОВОСТИ

НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

— НОВЫЯ ЯВЛЕНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ТЕАТРА. —
Французскій Театръ, которому съ нѣкотораго
времени было весьма худо, и который, лишившись
спаринныхъ, лучшихъ пѣсь своихъ, не зналъ чѣмъ
ихъ замѣнить, нынѣ нѣсколько поднялся опять *Бѣс-*
нующимся Доминикомъ (Dominique le Possédé)
Эшоцъ Доминикъ есть забавное лице, взявшее изъ

а) Переводчикъ обязывается помѣщать и сіи обща-
ныя сшанья, по жрѣ позволѣніи ихъ въ Журналъ
Прелій. Д. С. Идамедъ будетъ печатать ихъ съ
благодарностію. Изд.

среднихъ вѣковъ, когда еще вѣрили вѣдьмамъ и колдунамъ, когда во всѣ дѣла вмѣшивался дьяволь, о которомъ нынѣ Парижъ слишкомъ мало заботится. Доминикъ воображаетъ про себя, что онъ очарованъ; и дѣйствительно съ нимъ случается столько диковинныхъ, неожиданныхъ происшествій, что не много легковѣрія нужно для убѣжденія, что съ нимъ точно самъ чортъ шутитъ. Эта забавная пѣса напоминаетъ фарсы Италіянцевъ того времени, когда они болѣе, чѣмъ теперь расположенные къ веселости, пѣщились выходками арлекина и полишинеля. Среди важныхъ политическихъ переворотовъ, пѣса сія явилась весьма ксташи и служишь какъ бы развлеченіемъ для жителей Парижа. Поэтъ Ансело написалъ нѣсколько трагедій для Французскаго Театра и Одеона, но увидѣвъ наконецъ, что не много ими выиграеть, пошому что теперь оба сія главные театра принадлежать къ числу наименѣе посѣщаемыхъ публикою. Вслѣдствіе сего обратился онъ къ малымъ театрамъ, и написалъ для нихъ нѣсколько пѣсъ, принесшихъ ему болѣе выгоду, нежели трагедіи. Его *Дюбарри* была около пятидесяти разъ играна на водевильномъ театрѣ. Недавно сочинилъ онъ для сего же театра оперу: *Леонтина*, содержаніе которой заимствовано изъ повѣсти Дидерота. Въ ней, знаменитый писатель сей разсказываетъ, какъ одна хитрая женщина, Гжа Поммере, желая отмстить невѣрному, презрѣвшему ея любовь, пошому единственно что званіе ея не соотвѣтствовало степени занимаемой имъ въ обществѣ, настроила развратную дѣвку, наружной

добродѣтелью привлечь къ себѣ сердце гордаго любовника и заставивъ его на себѣ жениться, Ансело, вмѣсто Француженки, Гжи Поммерѣ, выводитъ на сцену Италіанку, потому что жаждя мщениія, выражаемая въ этой пьесѣ, естественнѣе въ Италіанкѣ. Сверхъ того принужденный вывести развратницу на сцену, не въ настоящемъ ея видѣ, дабы не оскорбилъ вкуса Парижской публики, Ансело выставляетъ ее жертвой соблазна, которая доведена до нищеты, вынуждена голодомъ украсть хлѣбъ у булочника, схвачена полиціей, но убѣжавъ, исполненная раскаянія и стыда, прибѣгаетъ подъ защиту Графини, некогда ей покрайшительствовавшей. Сострадательная Графиня принимаетъ ее къ себѣ и составляетъ планъ употребить ее орудіемъ мести. Несчастной дано платье, пища; она должна бытъ подругой своей благодѣтельница. Гордый любовникъ находитъ случай разговаривать съ мнимой сиротой и влюбляется въ нее; его увидѣли, что она происходитъ отъ древняго, знатнаго дома, по несчастію впадающаго въ бѣдность. Въ тоже самое время дѣвушка также въ него влюбляется, и уже готова все ему отпустить; но мстительная Графиня останавливаетъ ее тайной угрозой, что предастъ ее въ руки Полиціи, если она выговоритъ хотя одно слово. Дѣвушка находится безпрерывно между болзнію угрожающаго ей стыда и укоризнами совѣсти. Графиня, желая ускорить развязку, объявляетъ о скоромъ своемъ отъѣздѣ вмѣстѣ съ подругой. Любовникъ дѣлается настоятельнѣе, дѣвушка должна принадлежать ему; онъ не можетъ

жить безъ нее , хочешь на ней женишься. Бракъ совершается втайнѣ , и Графиня упивается , адскою радостью торжествующей мести. Любовникъ узнаешь , что женился на развратницѣ , известной въ городѣ подь именемъ Леонтины. Она хочетъ убить жену свою , но она , удавъ къ его ногамъ , изъясняетъ столь сильное раскаяніе , что ты умиляешься. Въ это мгновение приходишь Графиня , жаждущая насладиться ошчаяніемъ новобрачнаго , но онъ восклицаетъ : „ встаньше , Маркиза , и поѣзжайше со мною въ нашу замокъ!“ Графиня , окаменѣвъ при сихъ неожиданныхъ словахъ , говоритъ почти безъ чувствъ , въ ошчаяніи : „и шакъ вы счастливы!“ Съ симъ опускается занавѣсъ. Пьеса хорошо обставлена и мастерски написана : она должна имѣть успѣхъ и на чужеземныхъ театрахъ. Въ день ея представления давали еще фарсу : *Маріонетта* , пародію *Маріоны де л' Ормъ* , Виктора Гюго. Маріонетта просто развратница , а любовникъ ея шпионъ полиціи. Одно уже появленіе его на сценѣ доказываетъ , что шакого разбора люди не страшны въ Парижѣ. Эта пародія есть злая сатира на драму Виктора Гюго , которая вообще неоспоримо имѣетъ шму странностей , но и множество ошдальныхъ красотъ. Чшо пародія не посредственно мѣшитъ на сочинителя *Маріоны де л' Ормъ* , можно видѣть изъ нижеслѣдующаго. Вечеромъ подь окномъ Маріонеты , раздается крикъ : „ убійцы ! воры !“ Любовникъ находящійся у ней въ это время хочетъ выбѣжать на улицу , на помощь обиженнымъ. Маріонетта ста-

раешся остано­вить его, говоря, что съ нимъ нѣтъ ни какого оружія. „Мнѣ ни чего не нужно“, отвѣчаешъ онъ: „я знаю вѣрное средство обра­тить ихъ въ бѣгство!“ Съ сими словами отворяешъ онъ дверь и кричишь во все горло: „*Marion de l'Orme, драма въ 4 дѣйствіяхъ, сог. Виктора Гюго!*“ Услышавъ это, мошенники кидаютъ добычу свою и бѣгутъ безъ оглядки. (М. В.)

— статистика сумасшествія. — Во время по­сѣщенія Плаккомъ Бедлама, тамъ находилось су­масшедшихъ: отъ несчастій и горя 206, отъ набожности 90, отъ любви 74, отъ ревмо­сти 6, отъ испуга 51, отъ прильжанія 15, отъ гордости 8, отъ пьянства 58, отъ го­рячки 110, отъ родовъ 79, отъ запора 10, отъ венерической болѣзни 14, отъ оспы 7, отъ вогнанной внутрь коросты и закрывшихся на­рывовъ 5, отъ ушиба и перелома костей 12, наследственно 115. Желательно знать, неужели въ это время не было ни одного безграмотнаго и бездарнаго писаки, помѣшавшагося на страсти къ литературнымъ спекуляціямъ?

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечата­ніи представленные были въ Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ. Москва. Ноября 3го дня 1831 года.

Ценсоръ Сергей Аксаковъ.